

МАРИЯ ГАЛИНА

ВОЛЧЬЯ ЗВЕЗДА

От призера читательских симпатий премии «Большая Книга»
и дважды лауреата личной премии Бориса Натановича
Стругацкого «Бронзовая улитка»

Мария Галина

Волчья звезда

«АСТ»

2015

Галина М. С.

Волчья звезда / М. С. Галина — «АСТ», 2015

Мечта стала явью. И обернулась кошмаром. Человечество, преодолев множество препятствий, в конце концов вышло в космос. Но кто остался на Земле? И что случилось с теми, кто решил вернуться? Что делает человека человеком? Что делают с нами наши страхи и наши самые заветные желания? На эти вопросы герои книги ищут ответ в блистательных куполах Звездных людей, в заброшенном трансильванском замке, на стоянке дикарей-кочевников... Перед нами – добротная научная фантастика, непринужденно включающая элементы фэнтези. Роман воспитания в постапокалиптическом антураже. Квест, свободно ныряющий в дебри философской антропологии.

© Галина М. С., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Пролог 1	6
Часть первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мария Галина

Волчья звезда

© Галина М.

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Этот роман был написан в 1999-м, а издан в 2003 году в издательстве «Махаон». У них была серия фантастики «Зеленая Луна», потом она, естественно, закрылась. Не пошла. Тем не менее я благодарна издателям – я была «новым именем», а новые имена печатают мало и неохотно. У каждого автора есть вещи любимые, есть – менее любимые, и этот роман я считаю одной из своих удач. Любопытно, что так, кажется, считаю только я, а из читателей – критик Данила Давыдов и еще несколько хороших людей. Я предпочитаю верить им. На Livelib отзывы на эту книгу довольно раздраженные. Словно бы ее не очень поняли, но чем-то она людей царапает. Мне кажется, это хорошая работа. «Твердая фантастика», а я редко пишу твердую фантастику.

Из-за того, что писала я ее очень давно, то делалось это в текстовом редакторе. Сейчас пришлось переформатировать в «Ворд», а заодно потребовалась некая чистка вручную, так как форматировать в автоматическом режиме я не умею. Волей-неволей пришлось ее перечитать, а заодно и внести некоторую редакторскую правку. А еще – по-прежнему убеждаюсь, что я люблю эту книгу. Она немножко наивная, местами пафосная, но я все равно ее люблю.

Пролог 1

Мы, изнывая в душных городах, тщетно мечтали о неведомых дорогах, что простираются за горизонтом, куда Нужда и Надежда не благословили наш путь, ссудив нам новую душу, иную, чем у Человека.

Р. Киплинг

Рихман опаздывал. Ковальчик посмотрел на часы – он любил эти часы, добротный швейцарский хронометр, потому что это была единственная его награда, на которую – он чувствовал – он имеет полное право. Остальные ордена и звания он получил за то, что по его приказу делали другие. Эту он заслужил сам.

Сзади, на платиновой крышке было выгравировано: «ЗА ХРАБРОСТЬ» и ниже: «Международный союз астронавтов».

Он привел тогда корабль. Собственно говоря, он был единственным, кто вернул тогда корабль на Землю из долговременной экспедиции. Она длилась двадцать два года – по земному времени и пятнадцать – по судовому. Разницу съел старик Альберт.

Он привел корабль с восемью членами экипажа; меньше трети, но все равно неплохо. Еще за орбитой Марса их было одиннадцать, но двоих он собственноручно расстрелял на подходе к Базе, а еще один покончил с собой, бросившись на распределительный щит. Довольно неприятный способ самоубийства и утомительный – не так-то просто снять крышку с распределительного щита на корабле, но этот как-то ухитрился. Выскребал его оттуда Ковальчик тоже собственноручно.

Вот об этом он никому не рассказывал... впрочем, кому надо, те и так знали – все было зафиксировано в бортовом журнале.

Все знали...

Вот тогда-то он и получил эти часы. И благодарность от правительства. И неплохой пост в МСА. И пенсию. И еще черт-те чего.

Потому что остальные корабли не вернулись.

Его отчет был единственным...

А он еще боялся военного трибунала, дурак... Когда он сидел в карантине, который полагал заодно и за следственный изолятор, и молоденький, с иголки, лейтенант привел его перед ясные очи комиссии, он сгрыз ногти чуть не до локтей. А теперь он здесь...

Потому что тогда он вернулся. И написал отчет. И еще потому, что на Земле уже более полувека не было крупных войн – только локальные конфликты в странах Третьего мира, но это не в счет. И вся нерастроченная в больших и малых заварушках энергия человечества ушла на освоение дальних пространств...

Его корабль был третьим по счету и еще два корабля ушли с орбиты уже после того, как «Энтерпрайз» покинул пределы Солнечной системы. И ни один не вернулся.

Кроме его корабля. Кроме «Энтерпрайза».

Когда вошел Рихман, Ковальчик снова взглянул на часы.

Демонстративно.

Рихман опоздал на семь минут.

И даже не извинился.

И руки не подал – просто стоял и смотрел на Ковальчика. Во взгляде его читалась безразличность – Ковальчик к этому привык.

– Я вам не нравлюсь, Рихман, верно? – равнодушно спросил он. Рихман ему тоже не нравился. Плевать – лишь бы от этого был хоть какой-то толк. Тем более, говорили – он лучший.

Рихман, нужно отдать ему должное, не стал отпираться.

– Естественно, – сказал он. – Что тут может нравиться... Вы насели на директора, он насел на меня... По своей воле меня бы здесь не было. Вы – маленький фюрер... Еще счастье, что у вас все-таки ограниченная власть.

Ковальчик пожал плечами.

– Власть у меня, кстати, практически неограниченная. В подведомственном мне Проекте. Бросьте, Рихман, вы же психолог... у вас, немцев, просто-напросто национальный комплекс вины... вам не нравятся жесткие методы...

– Какой там, к черту, комплекс? Я вчера весь вечер читал отчеты – вы утопили корабль в крови. У вас руки в крови, Ковальчик...

Ковальчик неторопливо приблизился к нему. Глаза у него были светлые, почти прозрачные, с черным ободком вокруг радужки.

Наверняка он все еще нравится женщинам, ни с того ни с сего мелькнуло в голове у Рихмана.

– Верно, – сказал Ковальчик, – я утопил корабль в крови. Иначе нельзя было. Я прошел через ад, Рихман. Я до сих пор ночью просыпаюсь в холодном поту... Я слышу их голоса...

Он твердыми пальцами взял Рихмана за подбородок и какое-то время молча смотрел ему в глаза, пока тот, не выдержав, не отвел взгляд.

– И я сделаю все, слышите – все! – чтобы больше не повторилось ничего подобного...

– Ваш проект – безумие...

Ковальчик усмехнулся, показав крепкие белые зубы.

– Безумие как раз по вашей части, Рихман, верно? Потому мы и вышли на вас...

– Я уже говорил это на совещании, скажу еще раз... эта методика опробована на отдельных больных... но уж никак не на целых группах...

– Но ведь вы не будете иметь дело с больными, Рихман. Вы будете иметь дело с астронавтами, а они очень здоровые люди... Потом... не так уж и велики эти группы... Человек по тридцать, не больше. Четыре экспериментальных экипажа...

– Я еще умею считать, – сухо сказал Рихман.

– А! – произнес Ковальчик. – Я понял! Вы из тех, кто считает, что космические полеты не нужны, верно? Пустая трата человеческого материала...

– Да... материала, – Рихман вложил в это слово всю возможную иронию, но, похоже, без толку – Ковальчик не понимал иронии. – К чему вообще такая судорожная активность? Еще немного, и многие вопросы решатся сами собой. Ваш проект никому не понадобится, потому что...

– Не пойму я вас, – произнес Ковальчик, пожав плечами, – с одной стороны насильственное вмешательство в психику вам претит... уж больно, мол, тонкие материи... с другой – вы, видно, из тех, кто тогда голосовал за Иммортalii. А ведь это – покушение на саму природу человека...

– Это всего лишь общие слова, – заметил Рихман.

– Нет. Не общие слова... Вы не хуже меня знаете, что оба проекта – долговременные. И обоим правительство уделяет примерно равное внимание. И средства выделяет равные. Если вы откажетесь этим заниматься, что ж... мы найдем другого... поговорчивей... быть может, не такого специалиста именно в этой области, но поговорчивей... корабли все равно полетят, Рихман... Рано или поздно, но полетят. Так всегда было. Ныне и присно и во веки веков.

Он помолчал, потом открыл ящик стола; на столе, рядом с видео прямой связи с Президентом, отблескивая хромированным покрытием, возвышалась модель «Энтерпрайза», и извлек оттуда старомодный кожаный бювар с монограммой.

– Вот... – сказал он. – Возьмите. Там, внутри, компакт... мой личный дневник. Частный. Его никто не прослушивал, кроме комиссии. Я сам его не прослушивал... Не могу...

Он вновь помолчал.

– Никто из них, из тех, что вернулся, со мной не разговаривает... Никто из них ни разу даже не поглядел мне в глаза... Но если вы попыгаете обвинить меня перед ними... я не ручаюсь за вашу шкуру, Рихман. Впрочем, они вам не расскажут о том, что было... никогда. Хотя в газеты все равно кое-что просочилось. Вы должны помнить. Это было лет пятнадцать назад... Меня тогда называли «Звездный палач». Что-то вроде этого... красиво... и глупо... читайте.

– Я не...

– Вы же не нарушаете никаких этических норм, Рихман. Ни профессиональных, ни просто человеческих... Никаких. Я сам передал вам его.

– Не в этом дело.

– Бойтесь?

– Ну чего мне бояться, Ковальчик...

– Ну не бойтесь, так брезгуете. Но ведь от того, что вы это откажетесь прослушать, ничего не изменится. Он же не испарится... События не повернут вспять. Вы ведете себя... глупо. Вам, профессионалу, представилась уникальная возможность познакомиться с поведением замкнутой группы людей в экстремальной ситуации, а вы наложили в штаны...

– Ладно, – сказал Рихман, – давайте. И пойдите к черту...

– Я знал, что так и будет, – довольно сказал Ковальчик. – В конце концов вы сломались. Все вы ломаетесь...

– Войдите, – сказал референт. Он и сам прошел следом за Ковальчиком в небольшой бело-золотой кабинет. И остался стоять у входа. Это была почти приватная беседа – почти приватная, потому что совсем приватных бесед в таком месте и в такое время не бывает.

Ковальчик вытянулся по струнке, чуть наклонив голову.

– Господин Президент!

– Да-да, – президент вежливо кивнул ему – он, хоть и вышел из-за стола навстречу Ковальчику, но стоял в непринужденной, почти вальяжной позе, потому что был человеком штатским. Он даже, вроде, собрался пожать Ковальчику руку, но потом передумал.

– Садитесь... Я читал вашу докладную записку, – сказал он. – Весьма впечатляет.

Это не требовало комментариев, и Ковальчик промолчал.

– И все-таки риск велик...

– Да, – согласился Ковальчик, – риск всегда есть. Но он не так уж велик. Во всяком случае, большая часть финансового риска ложится не на плечи государства.

– Синдикаты... – пробормотал Президент.

– Да. Крупные корпорации. Они-то могут себе позволить вкладывать деньги в долговременные проекты. Право на разработку недр и все такое. Сейчас это кажется утопией, но со временем... быть может, межзвездные перелеты станут обычным делом... рутинной. А у них уже все будет в кармане.

– Кто же намерен разрабатывать недра? Вы что, набрали команду из горных инженеров?

Не читал он докладной записки, подумал Ковальчик. В лучшем случае, просматривал. Должно быть, в основном ту часть, где речь шла о финансировании.

– Они умеют все, – сказал Ковальчик. – Но дело не в этом. В худшем случае они не вернутся... тогда корпорации могут проститься со своими средствами. Промежуточный вариант предполагает, что они все же вернутся – с пробами грунта, с биопробами...

Он замолчал.

Президент поощрил его кивком головы.

– В лучшем случае, они тоже не вернутся. Если условия, благоприятные для жизни. Этот шанс невелик, но он все же есть...

– Какова численность экипажа?

– Стандартная – тридцать человек.

– Да, – кивнул Президент, – они ведь повезут эмбрионы.

«Все-таки читал...» – подумал Ковальчик.

– Если ситуация будет благоприятной, эмбрионы иницируют. А эти тридцать... станут патриархами. Учителями. Возможно... нам впервые удастся создать действительно жизнеспособное общество.

– Ага! – сказал президент. – Рихман!

– Вы не слишком-то увлеклись этой идеей.

– В общем, да, – согласился Президент.

– И все-таки поддержали меня.

Президент вздохнул.

– Насколько я понял, ваши люди – добровольцы.

– Да, – согласился Ковальчик, – все до единого.

– Что ж... надеюсь, это сработает. Другого выхода все равно нет, верно? Но интересно, почему Сириус?

– Двойная звезда. По теории Дюваля жизнь зародилась в приливно-отливной зоне. А солнце-спутник может оказывать на планеты примерно то же воздействие, что и крупные планетные спутники... При условии стабильных планетных орбит, разумеется... Но «Энтерпрайз» привез данные... снимки из глубокого космоса... спектральные анализы... Похоже, на одной из планет системы Сириус отмечены спектральные линии водорода и кислорода... А это значит...

– Жизнь, – сказал Президент.

– Возможно. Ответ, как вы знаете, мы получим нескоро. Возможно, не получим совсем. Во всяком случае, я уже не узнаю, увенчался ли эксперимент успехом... Даже при нынешних полетных скоростях и нынешней медицине...

Президент молчал. Он смотрел в пол, и Ковальчик понял.

– Вы подписались на обработку в Имморталии!

Референт пошевелился у него за спиной.

– Ковальчик, – холодно произнес президент, – это не ваше дело.

– Прошу прощения, господин Президент, – сказал Ковальчик, – просто... человек смертен... так положил Господь. Я понимаю, соблазн велик, но это только... соблазн. И что случится с человеком, когда он обретет телесное бессмертие? Кто может это знать?

– Кто может знать, что случится с человеком, если он откажется от своей человеческой сущности? – спросил президент. – Пусть даже во имя великой цели?

– Он откажется от худшей своей половины, – сказал Ковальчик. – Он не будет знать страха... приступов беспричинной ярости... ненависти к ближнему только потому, что ближний этот – иной. Не такой, как ты. И общество своих соплеменников, запертых в тесноте звездного корабля, не сведет его с ума.

– Надеюсь, – рассеянно сказал Президент. Он кашлянул, и референт тут же неслышно приблизился к Ковальчику.

Обученный малый, подумал тот.

Он сдвинул каблуки и резко, по-военному поклонился.

– Я могу продолжать? – спросил он.

– Да, – сказал президент, – да. Разумеется.

– Я прослушал ваш дневник, – сказал Рихман. – Во всяком случае, ту часть, которую... смог прослушать.

– Что ж... – ответил Ковальчик. – Хорошо.

– Я... прошу прощения.

– Мне не нужны ваши извинения. Мне нужны ваши соображения.

– Они должны были свернуть программу.

– Они и свернули...

– А теперь – возобновили...

– Да... теперь – возобновили. Они никогда не закроют Программу. Это естественно. Я не говорю уже о соображениях политических... экономических... об игре интересов... просто, это естественно... человечеству, как любому биологическому виду, присуща тяга к расширению ареала. Мы называем ее духом поиска... стремлением к познанию... все такое. Но это всего лишь биология. Я говорил вчера с Президентом. Он дал добро. Полный карт-бланш. Так что дело за вами, Рихман.

– Хорошо, – сказал Рихман. – Хорошо... Я попробую.

– Я сделал упор, скажем так, на культуроцентричность, – сказал Рихман. – На вечные ценности.

– Ясно, – ответил Ковальчик.

Здесь, в стенах Института Мозга, среди приборов и деловитых людей в бледно-зеленых халатах, он казался на своем месте. Он везде казался на своем месте.

– Я все же рассчитывал на долговременную программу. На колонизацию. Мы снабдим их очень хорошим архивом – литература, живопись, музыка... исторические справочники... все это займет не так уж много места.

– Верно. Тем более, что им, возможно, придется обучать подрастающее поколение.

Ковальчик посмотрел на человека, сидящего в глубоком кресле. Лицо у него было скрыто под глубоким шлемом. Он сидел неподвижно, положив на колени раскрытые ладони.

– Как они это восприняли?

– По-моему, хорошо, – ответил Рихман. – Если судить по тестам, во всяком случае. Толерантность возросла на порядок.

– Но они смогут делать свое дело?

– О, да. Это не повлияет на уровень интеллекта.

– А если они встретят агрессивные формы жизни? Что тогда? Они смогут противостоять им?

– Они скорее ксенофилы, чем ксенофобы, – сказал Рихман. – Но все же... полагаю, да. Не думаю, что их миролюбие будет простираться столь далеко.

– Мы все-таки постарались максимально обеспечить их безопасность, – заметил Ковальчик. – Агрегаты защитного поля... дорогая штука и на земле почти бесполезная... но там пригодится. Потом, синтезаторы...

– Аппараты молекулярного синтеза?

– Да. Умеют почти все... кроме превращения одних элементов в другие. Так что... по крайней мере на первое время биологические потребности мы им обеспечим.

– А за остальное отвечаю я...

– Да. За остальное отвечаете вы.

Человек в кресле пошевелился. Рихман взглянул на бегущие по экрану энцефалографа волны и вновь обернулся к Ковальчику.

– Все идет по плану, – сказал он.

– Вот вы говорите, – полюбопытствовал Ковальчик, – что загрузили архивы всякой там классикой...

– Да. И не только классикой. Возможно, им понадобится детская литература. Учебники. Справочники.

– Но ведь если вдуматься... вся классика... даже детская... сплошная апология убийства.

– Да, – согласился Рихман. – Но тут возникает некий парадокс. Они цитируют «Илиаду» и им в голову не приходит, что при этом они наслаждаются чужой жестокостью. Мозг сам справляется с противоречием. Полагаю, просто отменяя ненужные сомнения. Слишком

абстрактно, чтобы принимать все за чистую монету. Должно быть, со временем они будут полагать, что вся земная история – просто красивая выдумка. Или преувеличение.

Он наклонился над креслом и отключил прибор. Потом ослабил зажимы, и человек в кресле вновь пошевелился, осторожно выскальзывая из-под шлема.

– Добрый день, Командор, – сказал он, увидев Ковальчика.

– Добрый день, Теренс. Как самочувствие?

Тот чуть поморщился.

– В голове гудит...

– Ничего... Это побочный эффект.

– Вы уверены, что при этом что-то происходит? – спросил Теренс. – Я ничего не замечаю. Ковальчик вопросительно взглянул на Рихмана. Тот пожал плечами.

– Не жалеете, что вызвались добровольцем, Теренс? – спросил он, обернувшись к испытуемому.

– Что вы, доктор, – сказал Теренс, – это большая честь. Я только сомневаюсь – достоин ли я быть представителем человечества? Я понимаю, я должен стараться... последнее время я много читал... думал... На нас лежит огромная ответственность.

– Мы выбрали лучших, – сказал Ковальчик.

– Я постараюсь оправдать ваше доверие, Командор. Мы все постараемся. Вчера я перечитывал Тейяра де Шардена... и мне пришло в голову...

– Потом, Теренс, – мягко сказал Ковальчик, – я выслушаю вас позднее.

– Простите, Командор.

Ковальчик пошел прочь, сопровождаемый Рихманом, который еле поспевал за ним. Уже за дверью он обернулся и тихонько сказал:

– Я рад, что не лечу с ними. Это не для меня.

Часть первая

*Когда бы был я, яркая звезда, тверд, словно ты, не нависала бы
в сиянье одиноком ночь в вышине.*

Дж. Китс

Звездные Люди прибыли в начале весны...

Была глухая ночь, обычная в это время года, но все вокруг осветилось, точно днем, но без теней, так, что было видно каждую сухую травинку, а вдоль горизонта растянулось низкое пламя, точно корчилась огненная змея; потом небо расколосось, выбросив из себя искры, и вновь сомкнулось, и лишь где-то за дальними холмами продолжало пылать багровое зарево. Женщины выли, потому что настал конец света, а мужчины похватили свои копья и выбежали наружу. Я тоже заплакала, и кто-то большой, взрослый, мимоходом наградил меня ощутимой затрепиной. Все высыпали из зимних Домов и смотрели в небо. Наутро мужчины оседлали лошадей и отправились туда, где огонь, пылающий за дальними холмами, на рассвете превратился в неподвижный столб дыма. Они вернулись очень довольными и лошади их были нагружены полезными и нужными вещами – Звездные Люди щедро одарили их. Тогда они еще только начинали строить свой город.

Потом-то вокруг белых летательных снарядов, которые походили на вытасненных из воды рыб, выросли стены – непонятно из чего, но крепкие, высотой в два человеческих роста, и проникнуть за ограду к кораблям стало не так уж легко – Звездные Люди больше не раздавали вещи просто так, а меняли их; когда на еду или скот, но больше на Предметы или Записи, особенно на Записи, так что характер у Хранителя совсем испортился... Я думаю, что в самый первый раз они одарили нас так щедро для того, чтобы мы их не боялись. Мы их и не боялись – никакого вреда от них не было. Их становище огромное, гораздо больше нашего, но сколько их там точно, никто не знал, потому что вся мена шла у ворот, которые сами поднимались и опускались, точно в тех историях, которые малышам рассказывают на ночь. Вроде бы Звездные Люди все больше сидели внутри своих серебристых домов, словно боялись солнечного света, а когда все же выходили наружу, то были одеты в чудную одежду, которая обтягивала их руки и ноги – словно ветер и степная пыль были губительны для их нежной кожи. Может, так оно и есть – кто знает? Мы даже не знали, сколько таких Звездных Становищ в нашем краю – ходили слухи (наверняка их принесли кочевые), что точно такая же история произошла где-то далеко на Западе, где скалы не мягкие, как у нас, и не крошатся под ударами молота. Еще говорят, что там остались настоящие дома, потому что леса там много – почти столько же, сколько камня... О западных землях рассказывают много странных вещей, а про север и того пуще; вроде, зимой там солнце почти не поднимается над горизонтом, а сразу занывает обратно. Впрочем, там тоже кто-то живет. Везде кто-то живет.

Собственно, вся эта история началась гораздо раньше – когда к нам в Дом пожаловал Хранитель. Он был первым стариком, которого я увидела, и сначала я решила, что он просто урод или чем-то болен – на самом деле Хранители почему-то живут дольше остальных. Отчасти понятно, почему – еды им выдается больше, чем другим людям в возрасте.

– Вот эта, – сказала Дрофа и вытолкнула меня на середину комнаты. Я попробовала было упираться, но она просто ухватила меня своими цепкими костлявыми пальцами за ухо и больно дернула.

Хранитель оглядел меня.

– Она хромает, – сказал он.

– Ну, руки ведь у нее на месте, с Предметами возиться она может. Больше-то она ни на что не годится.

Хранитель осуждающе покачал головой.

– Я предпочел бы мальчика, – сказал он.

– Подходящих мальчиков сейчас нет, – твердо ответила Дрофа.

Он вздохнул, что-то пробормотал, потом громко произнес:

– Ладно.

– Я боюсь, – я опять уперлась, потому что и впрямь боялась пойти за этим страшным человеком.

– А жрать хочешь? – мрачно спросила Дрофа. – Хватит с меня на калеку еду расходовать.

На самом-то деле я вкалывала не меньше остальных. Но она смотрела в будущее – вряд ли нашелся бы такой дурак, который согласился бы выплатить Дому калым за хромоножку.

– Ладно, – сказал Хранитель, – оставь девчонку. Ты ее вконец запугала.

– Ее запугаешь, – пробормотала Дрофа. – Ишь, как смотрит. Того и гляди, укусит...

– Пошли, девочка, – мягко сказал старик. – Не бойся. Никто тебя не обидит.

– Я и не боюсь, – на всякий случай сказала я.

– Тебя как зовут?

– Выпь.

– Это за что же тебя так?

– Крикливая была очень, – сказала Дрофа, – порою так накричится, аж синее. Ступай, ступай, убоище. И ты ступай, отец. У меня еще дел полно.

Уже потом я узнала, что Хранители живут так долго еще и потому, что их все уважают и побаиваются. Да еще потому, что им не приходится надрываться на полевых работах, под ветром и дождем. Но Дрофа баба склочная, она никого не боялась.

– Суровая у вас старшая, – заметил он, когда мы карабкались вверх по склону.

– Такой ее мама родила, – ответила я. По крутизне мне было ходить трудновато, но я при-
норовилась. Тем более, сам он шел медленно.

– Это где тебя так угораздило? – спросил он, впрочем, вполне доброжелательно.

– Во время последнего набега, – ответила я. – Но сама-то я плохо помню.

Крики – то испуганные, то яростные; мечущиеся сполохи огня; кто-то проносится мимо – с топотом, с визгом; огромные тела неведомых животных, от которых валит пар, – и багровый туман боли... очень долго – багровый туман боли.

– Ты заползла под перевернутую корзину, – рассказывала потом Дрофа, – и сидела тихо-тихо. Тебя нашли только день спустя, когда ты начала поскуливать, точно раненый волчонок. Оттого и нога срослась неправильно.

Полагаю, я и помню все плохо потому, что было так страшно и больно.

Хранитель жил отдельно от всех – это был даже не Дом, так, одно недоразумение; кроме самого старика, да мальчишки-полудурка, который приходил из соседнего Дома, чтобы натаскать воды или принести сушняка, можно было месяцами никого не видеть. Его жилище располагалось выше остальных; подняться туда было трудновато, а ему с годами все труднее – потому он и решил, что ему нужен помощник; но зато сверху, с обрыва, было видно все поселение, и степь – до дальнего горизонта, и даже ярко-синий лоскуток моря, а в ту, последнюю весну, далеко-далеко на побережье – в хорошую погоду – серебристые купола становища Звездных Людей. Задние комнаты были забиты Предметами, а Записи лежали туго спеленатыми, в кожаных свертках, чтобы их не погрызли мыши или жучки. Правда, что могли, они уже сделали – от многих Записей осталась от силы половина, и, как я потом выяснила, разобрать, что там говорилось, было трудновато, а то и вовсе невозможно. Предметы тоже большей частью были порченые – водой, или огнем, или просто временем, но даже те, что уцелели, были ни на что не похожи, и назначение у них было вовсе непонятное. Самые по виду бесполезные валялись в углу, огромной грудой, а в холщовых мешках ближе к выходу лежали те, которые были хоть на что-то похожи – скажем, с рукояткой, за которую удобно было брать, – непонятно, правда,

что с ними нужно было делать после. Такие Хранитель время от времени вынимал и рассматривал, надеясь, что его вот-вот осенит.

Были там и Предметы, которые имеются во всех приличных Домах – и в Доме Дрофы тоже. Скажем, бутылки из зеленого и белого стекла – такие иногда находят в развалинах. Правда, у нас они все больше битые, и стекло используется, чтобы скоблить шкуры. Впрочем, прежде, чем приспособить Предмет к делу, он все равно должен пройти через руки Хранителя – мало ли, вдруг какой уж очень вредоносный попадется...

Меня он устроил в одной из комнат, сквозь крохотное окошко которой можно было видеть лишь небо да кусочек степи, но само помещение было сухое и даже теплое; этот Дом вообще протапливался лучше остальных, потому что старик нуждался в тепле. Поначалу я полагала, что таскать снизу воду и сушняк теперь придется мне, но этим продолжал заниматься мальчишка, а Хранитель начал учить меня разбирать Записи. Лучше бы я таскала воду – занятия оказались нудными: заучить непонятные значки было не так-то просто. У Хранителя порой лопалось терпение и он хлопал меня по голове этими самыми Записями – правда не больно. Он говорил – любой может научиться разбирать Записи, если захочет. Вот уж не верю. К Предметам он меня не допускал – говорил, если неправильно ими пользоваться, можно такого натворить... А как ими правильно пользоваться, он, похоже, и сам не знал.

Так прошла зима. Становище Звездных людей, выросшее в первые дни весны, перестало казаться чем-то из ряда вон выходящим, а стало привычной чертой окружающего мира, вроде искривленного дерева, прилепившегося рядом с Закатной скалой, но порой я думала – как там у них на самом деле... рассказывали про них совсем уж невероятные вещи, но кто же поверит таким рассказам.

А вскоре Звездные Люди сами пришли к нам.

Они стояли у порога – мужчина и женщина – в этих своих серебристых одеждах; открытыми оставались лишь кисти рук, белые, не знающие работы, да еще лица под капюшонами. У женщины волосы выбивались из-под капюшона и видно было, что они золотистые и легкие, как паутинка. Она была очень красива, но какой-то бесполезной красотой, потому что силы в ней не было никакой – плечи слишком узкие, чтобы носить воду; бедра слишком узкие, чтобы рожать, – третьей женой к какому-нибудь кочевнику ее и удалось бы сбыть, но насчет калыма еще пришлось бы поторговаться.

Мужчина был, понятно, пошире в плечах, но до наших тоже не дотягивал; хоть и был на голову выше любого из них. Еды такому требуется много, а толку от него чуть.

– Здравствуй, отец, – сказал мужчина вежливо.

– Приветствую вас, – ответил Хранитель. Он не очень-то удивился пришельцам, и я подумала, что они уже виделись. Его-то взяли с собой туда, в Поселение... На то и Хранитель, чтобы смотреть: где да как...

– А это, значит, ваша ученица?

Выговор у него был непривычный, слишком мягкий, но, в общем, понятный.

Скарабей вздохнул.

– Как же без этого, – ответил он, – зрение у меня все слабеет. И в пальцах чуткости уже никакой – не то, что раньше.

Он покрутил пальцами, попытался согнуть распухшие суставы, потом неодобрительно покосился на меня.

– Жаль только, что девчонка. Мальчишки все быстрее схватывают.

– Я бы не сказала, – с улыбкой возразила женщина.

У нее был такой же чужой выговор и певучий, нежный голос – словно ей никогда не приходилось дышать степным холодным ветром.

– Ну, значит, это мне попалась такая бестолковая, – сказал старик, – а где другую-то взять? Ну, с Предметами ей возиться еще рано. Вот, читать учу.

Он вновь вздохнул, словно обозначил бесполезность этого занятия.

– Вы ведь за Записями пришли?

– В общем, да, – ответил мужчина. – Если позволишь.

– Если каждый будет копать в Записях, – проворчал Скарабей, – что от них останется?

Они же как сухие листья – тронь, и рассыплются.

– Да мы осторожно.

Он достал из сумки на поясе какой-то Предмет.

– Мы их можем закрепить – тебе же самому будет легче с ними работать. Ничто их не возьмет – ни вода, ни мыши...

– Ну-ну, – неопределенно произнес старик.

Мужчина поставил сумку на пол и извлек оттуда новые Предметы – круглые, точно чурки, но, похоже, из железа. Они были в разноцветных обертках, вроде тех, на которых раньше делали Записи, и краски такие яркие...

– Мы тут тебе кое-что принесли, – сказал он.

– Ну, положите туда, – равнодушно сказал старик, – в кучу...

– Зачем же в кучу. Сейчас я... Впрочем, погоди... Я тут у тебя кое-что видел в прошлый раз.

Он направился к ящику, где валялись Предметы, и начал в нем рыться – без всякой опаски.

– Эй! – беспокойно сказал старик. – Погоди!

– Я знаю, что делаю. Сам увидишь.

Наконец, он выбрал один Предмет – тот, что с рукояткой, и поднес его к железной чурочке. Оказалось, что этот Предмет и годился для того, чтобы взрезать железо – правда, не всякое, а тонкое, вроде этого. Ему, правда, пришлось повозиться, потому что Предмет был немного ржавый, хотя старик регулярно чистил его и смазывал – как и все остальные.

Чурочка открылась – и сразу разогрелась; от нее пошел пар, и я почувствовала, как запахло едой, хотя в Доме никакой еды с утра не было.

– Это консервы, – сказал мужчина. – Ну, способ сохранения еды. А эта ваша штука сделана специально, чтобы открывать такие вот банки.

– Откуда у нас банки, – покачал головой старик, и подозрительно спросил: – А больше она ни на что не годится?

– Пожалуй, нет...

– И не жалко им было тратить железо на такие мелочи.

– Ну, во-первых, это не совсем железо. Во-вторых, его тогда добывали довольно много. Его тут и сейчас хватает.

– А почему она горячая – эта ваша банка?

– Там есть специальное устройство. Оно разогревает еду, как только в него попадает воздух.

Я ничего не поняла. Скарабей, по-моему, тоже, хотя на всякий случай важно кивнул.

– Ты ешь, отец. Девчонке я сейчас открою другую.

На всякий случай я спросила:

– Это не яд?

– Да что ты, – сказала женщина, – они могут храниться сколько угодно.

Еда и впрямь была вкусной, хоть и какой-то чудной, я никогда такой не пробовала, и потом целый день боялась, что заболела и умру.

Они, можно сказать, загнали старика в угол – раз уж он согласился взять их еду, ему пришлось запустить их в комнату, где хранились Записи. Сам он потащился следом и все охал да стонал, пока они разворачивали свертки и извлекали Записи – впрочем, придаться к ним было трудно, они делали это осторожно, с любовью. Каждый источенный временем листик они

обрабатывали при помощи непонятного Предмета, извергающего облачко вонючего пара. Уж не знаю, что при этом происходило, но вскоре листки стали твердыми и упругими – сгибай сколько хочешь, на них даже царапин не оставалось. Потом они убрали этот Предмет и достали другой, мигавший красными огоньками – вот уж впрямь, чудно! – и стали водить им по Записям. Больше ничего при этом не происходило – понятия не имею, зачем они это делали.

– Ну вот, – сказал, наконец, мужчина, – на сегодня все. Спасибо, отец.

– Погодите! – Скарабей явно разволновался. – Этот Предмет, который вы вынули из ящика...

– Консервный нож?

– Пусть так. Вы знали, для чего он нужен? Знаете, как использовать Предметы?

– Не все. Некоторые. Назначение большинства нам самим пока не ясно. Вот если бы вы позволили нам взять хоть немного с собой, мы бы попробовали разобраться.

Старик задумался.

– Есть Предметы, которые остались еще от моего предшественника. И его предшественника. Раз никто так и не понял их назначения, пользы от них никакой. Но они предназначены для переплавки.

– Скажите, что именно вы хотели из них выплавить. Мы заменим. Привезем вам инструменты.

– Ну и ну! – не выдержала я. – За этот хлам? Что вы будете с ним делать?

– Изучать.

– Зачем? Чтобы понять, как они действуют? Так ведь и мы то же самое делаем!

Звездный Человек вздохнул:

– Чтобы понять, что тут произошло...

– А что произошло? – удивилась я.

– Ну... – он в затруднении пожал плечами.

– Они воспринимают это положение вещей как естественное, – тихонько сказала женщина, но я услышала. – Странно, что они вообще пытаются хоть что-то сберечь...

– Прагматически, – произнес он в ответ непонятное слово, – чисто прагматически...

Скарабей смотрел на них исподлобья, потом сказал:

– Нет. Так не пойдет.

– Ну, что еще? – устало спросил пришелец.

– Вы будете разбираться с Предметами – а вдруг окажется, что среди них есть что-то очень полезное? Такое уже бывало! Несколько поколений лежит Предмет, а потом вдруг какой-то Хранитель и сообразит, как его использовать. Вам, значит, прямая выгода, а мы, получается, останемся с носом?

Мужчина обернулся к женщине и вновь что-то сказал ей вполголоса, на этот раз на незнакомом языке. Она отозвалась – тихо, мелодично, но я все равно поняла, что они спорят.

Наконец, она пожала плечами – ладно, мол, – и он вновь повернулся к нам.

– Хорошо, – сказал он, – все равно мы собирались... Вы можете присутствовать при обработке данных.

Старик посмотрел на него непонимающе. Женщина мягко пояснила:

– Мы можем вас обучать – например, как пользоваться Предметами. И многому другому.

– Я уже стар для этого, – сердито сказал Хранитель. – Вот ее.

Он вытолкнул меня вперед.

Я на всякий случай сказала:

– Не хочу.

В жизни не стала бы так пререкаться с Дрофой, да еще при людях из чужого племени: так и по шее можно схлопотать, но Скарабей как ни ворчал, а ни разу даже оплеухой меня не наградил. Но, видно, ему тоже стало неловко, потому что он сделал свирепое лицо и сказал:

– Тебя не спрашивают.

– Не бойся, девочка, – по-прежнему мягко сказала женщина, – тебя никто не обидит.

– Вы что, теперь все время будете сюда ходить?

Я подумала, что раз уж они все равно будут сюда ходить, может, принесут еще еды. Есть мне хотелось все время. Скарабей говорил, это потому, что я расту. Я и правда росла – подол парки пришлось надставить на целую ладонь.

Они переглянулись. Потом мужчина сказал:

– Скорее всего, нет. Я думаю, будет удобней это делать у нас.

– Я что, поеду в ваше становище? До него же верхом полдня пути!

– Мы будем тебя возить, – вмешалась женщина. Она все время вмешивалась – наши себя так не ведут.

Она слабо усмехнулась:

– Разве тебе не интересно?

– Еще чего!

Они не стали больше спорить – повернулись и направились к выходу. Я уже решила, было, что они передумали, но на пороге мужчина обернулся.

– Я на днях за ней заеду, – сказал он, – до свиданья, отец.

И вышел.

– Ну и дела! – сказала я. – Я боюсь!

– Они еще никому не причинили зла, – заметил старик.

– Все равно. Они же чужаки! Пришлые! Вон, болтают не по-нашему – ты понял, о чем они говорили?

– Немного. Что они побывали и в других Домах, но с нашим им удобней иметь дело, потому что он ближний из всех. И еще – что, мол, потратили столько сил и времени, и все равно ничего не понятно.

– Что непонятно?

– Не знаю.

– Говорят какими-то загадками... Они вообще какие-то не такие. Вон, баба до чего нахальная – лезет со своими разговорами, да еще с мужиком спорит, как будто так и надо! Наши-то свое место знают... Это его жена?

– Может и нет, – ответил Скарабей.

– Она слишком молода, чтобы разгуливать в обществе постороннего мужчины!

– У них все не так, как у нас. Ты же читала!

– Подумаешь, читала! Мало ли, что раньше было...

– То, что было когда-то, может и вернуться, глупая ты птица. Они похожи на тех...

– Ну, по воздуху они, может, и летают, как те, прежние, – согласилась я (опять же, сама я не видела, но говорили, что воздушные лодки Звездных Людей даже не имеют крыльев, а летают как миленькие), – но что, у них тоже каждый малолетка умеет разбирать Записи? Да и зачем? А может, у них в Доме воды хоть залейся? Ты скажи, еще и горячей!

– Во-первых, горячая вода и раньше была далеко не в каждом Доме, – сухо возразил старик, – а что касается записей... Это зависит от обычаев...

Откуда ты знаешь, как оно у Звездных Людей? Может, все так и есть?

– Что-то я ничего про их детей не слыхала!

– Может, они их в Домах держат, подальше от дурного глаза.

– Может, и вода у них в Домах сама течет? Да откуда она берется? Дома-то их на холме, а там самая сушь!

– Вот будешь там, посмотришь.

Я шепотом сказала:

– Скарабей, я боюсь! Они меня съедят!

– А то им больше есть нечего! Наверняка у них таких банок полным-полно! Они даже скот не разводят – мы бы видели, как они его выпасают!

– А если у них все есть – и еда, и вода, то что им тогда от нас надо? Жили бы себе! Мы же к ним не лезем!

– Ну... – неопределенно ответил старик, – если бы ты хоть немножко думала над тем, что читала, ты бы поняла, что люди не всегда совершают поступки ради одной только выгоды.

– А ради чего ж еще?

– Мне досталась в ученицы круглая дура, – вздохнул старик. Он сделал вид, что обозлился, но я думаю, это потому, что и сам не знал, что ответить.

Я уж надеялась, что они забудут, но Звездный Человек сдержал свое слово и приехал за мной; я как раз разводила огонь в очаге – сегодня ветер был такой сильный, что ему не нравилось, что из Дома валит дым – он заталкивал его обратно; глаза у меня слезились, я начала чихать и так увлеклась, что не сразу расслышала какой-то незнакомый звук снаружи. Сначала мне показалось, что кричит какая-то птица, но у нас птицы так не кричат. Звук был какой-то неправильный. Резкий, отрывистый.

Я выглянула за порог: над уступом, не касаясь его, не приминая ни одну травинку, застыла небольшая сверкающая лодка – если приглядеться, то можно было увидеть, что между днищем лодки и землей все дрожит и колеблется, как над раскаленной плитой. Это она кричала, эта лодка – я как раз увидела, как Звездный Человек нажимает на какой-то выступ и вся эта штука вскрикивает, словно от боли.

– А, – сказал он, увидев меня, – вот и ты. Собирайся. Поехали.

Я попыталась придумать причину, по которой не могу никуда ехать, но все произошло так неожиданно, что ничего путного в голову не лезло, тем более, вредный старикашка сказал:

– Что там, Выпь?

Я неохотно ответила:

– Этот приехал.

– Ну и хорошо, – недовольно ответил Скарабей; у него из-за сырости плохо двигались пальцы, и оттого он с самого утра был в дурном настроении, – ступай.

– Я...

– Не знаю, что ты там хочешь сказать, но в любом случае, какую-нибудь глупость. Сказано тебе, иди...

– Я ее к вечеру привезу, – крикнул из-за порога Звездный Человек, которому надоело ждать.

Мне ничего не оставалось, как накинуть парку и выбраться наружу. Лодка вновь вскрикнула.

– Давай, – сказал пришелец, – залазь.

– Что вы с ней такое делаете? – спросила я. – Ей же больно!

– Это еще почему?

– А почему она у вас кричит?

Он вздохнул.

– Это просто сигнал, – сказал он. – Мне самому лень было оповещать о том, что я прибыл, и я попросил ее. Да, пожалуй, так...

Бортик был низкий – через него я перелезла свободно. Вокруг тут же сомкнулись прозрачные стены и стало тепло и тихо.

Звездный Человек дотронулся до каких-то круглых выступов – они засветились мягким молочным светом, и лодка поплыла вниз по склону, не касаясь земли, но словно повторяя все ее изгибы.

Сам он больше ничего не делал – словно странный ветер, который подпирал днище, сам знал, куда нужно плыть, а ему оставалось лишь смотреть, как корабль пожирает расстояние. Холмы неслышно уплывали назад, и море, затянутое весенней дымкой, все приближалось.

– Как тебя зовут? – спросил он. – Выпь?

– Ага.

Я не стала спрашивать его о его имени, потому что это неприлично, но тут он сам сказал:

– А меня – Улисс.

Я не удержалась и фыркнула.

– Ты что? – удивился он.

– Какое же это имя? Оно же ничего не значит!

– Это – имя. И у него славная традиция. В каком-то смысле оно означает – странник, путешественник. Ведь я переплыл небесный океан...

Он помолчал немного, потом мягко добавил:

– ...Плыть за закат, туда, где тонут звезды
в пучине Запада. И мы, быть может,
в пучину канем – или доплывем
до Островов Блаженных...

Мне показалось, он сошел с ума. Никто из наших ни с того ни с сего так не разговаривал. На всякий случай я спросила:

– Чего?

Он вздохнул:

– Это Теннисон. Стихи. Ну, одна из Записей...

Эта запись точь-в-точь как его имя. Тоже ничего не значит. Я уже поняла, что он с придуры, и мне опять стало страшно – может, у них в становище все такие? Куда я еду?!

Видимо, он что-то почувствовал, потому что спросил:

– Разве вам такие не попадались?

Я неохотно ответила:

– Может, и попадались. Да что в них толку? Такие мы сразу отбрасываем.

Он вновь, вроде как, возмутился.

– Уничтожаете?

В голосе у него звучал ужас, честное слово. Будто мы дикари какие.

– Нет, просто пакуем и прячем подальше. Вдруг потом пригодятся. Может, из них со временем и удастся извлечь что-то толковое – такое уже бывало. Записи нужны для того, чтобы разбираться с Предметами – для чего они нужны, да как действуют...

– Стараетесь восстановить утраченную технологию, – заметил он, – тогда как до культуры вам дела нет?

– Чего? Мы просто думаем – вдруг что-нибудь пригодится. Жизнь-то тяжелая.

Он опять тяжело вздохнул, и дальше мы ехали молча.

...Род Звездных Людей, наверное, очень сильный, если они могли себе позволить ставить свои Дома на открытой равнине – к становищу можно было подойти с любой стороны. Правда, голая степь хорошо просматривалась, но сторожевых вышек я тоже что-то не увидела – лишь высокие серебристые стены; с холма было видно, как они окружают гладкие, как яйцо, купола Домов.

Это было похоже на Город Мертвых – очаги не дымили, в пределах ограды никого не было – ни людей, ни животных. От страха кулаки у меня так сжались, что ногти врезались в ладони, а я и не заметила.

– А где же ваши люди? – спросила я на всякий случай.

– Кто где, – ответил он, – частью работают – разбирают собранные данные, частью в поле...

– Охотятся?

Он слабо усмехнулся.

– Можно сказать и так. На самом деле, они охотятся за знаниями – разъезжают по становищам, собирают всякие рассказы о прошлом, опять же, Записи... пытаются наладить отношения с кочевниками...

– У кочевников нет никаких Записей. Они же дикари!

– Зато у них есть устные предания. Мы их записываем...

– Сами? Сами записываете?

Он, похоже, был не просто сумасшедший, а еще и приврать любил.

– Ну да, – согласился он. – Это не так уж трудно. Мы и тебя научим.

– Как же...

Я все гадала – если за оградой никого нет, кто же откроет ворота, но тут он вновь нажал на одну из этих светящихся штук и створки ворот разъехались прямо перед носом нашей лодки и вновь сомкнулись за ее кормой. Внутри было именно то, что я разглядела с холма – круглые, гладкие стены Домов, похожие на шатры кочевников, но из другого материала, промежутки между Домами заросли травой, словно ее никто и не топтал, никаких огородов, никаких загонов для скота – точно, Город Мертвых...

Прозрачный колпак нашей лодки сам собой ушел в борта, и суденышко замерло у одного из домов. Этот Улисс сказал:

– Вылезай.

Сам он уже выпрыгнул и теперь в растерянности топтался снаружи, потому что я вцепилась в борт обеими руками и заорала.

Орала я, понятное дело, зажмурившись, и потому не видела, как в стене Дома образовалось отверстие, и из него выскочила женщина. Она ко мне и пальцем не прикоснулась – начала успокаивать своим мягким голосом. Наконец, я перестала орать, потому что, когда орешь, невозможно дышать и поглядела на нее: вроде, это была та самая, что приезжала к нам, но кто ж их знает.

– Ну чего ты боишься? – спросила она.

– Я думала, вы живые, – сказала я. – А вы – покойники!

– Господи, девочка, да что это тебе в голову пришло?

– Вы что, про Города Мертвых не слышали?

Впрочем, откуда им слышать, раз они сами в нем живут? Так про них и рассказывают – живут там, мол, мертвецы, в полной уверенности, что они самые что ни есть живые люди...

– Вот тебе, полюбуйся, – сердито сказала женщина, обращаясь к Улиссу, – твоя была идея!

– Да кто ж знал, – растерянно ответил он.

– Огонь там не разводят, – я сама не заметила, как начала бубнить тем распевным голосом, которым когда-то рассказывала нам Дрофа у зимнего очага, – скот не выпасают, детей не рожают...

Женщина подавила тихий смехок.

– А что, – проговорила она, – похоже.

– Перестань, – сказал мужчина, – ты ее только еще больше пугаешь. Послушай, – он обернулся ко мне. – Если ты так боишься, мы специально для тебя разведем огонь. Хочешь?

Он даже не сошел с места; вырвал из земли пучок травы и поднес к нему какой-то Предмет. Сухие стебли тут же вспыхнули, он помахал ими перед моим лицом, а когда огонь добрался до его пальцев, зашипел от боли, бросил траву на землю и затоптал ногами. Тогда я вылезла из лодки: мертвецы боятся живого огня и не чувствуют боли.

В Доме было тепло – теплее даже, чем у Хранителя, – и пусто.

Здесь не было ни посуды, ни плиты, ни очага – откуда шло тепло, непонятно. Зато понятно стало, почему им не нужны окна – мягкий приглушенный свет лился откуда-то сверху, освещая гладкие стены. Хотя одно окно тут было – почему-то на середине комнаты – и светилося тем же ровным сиянием; рядом с этим окном стояли две табуретки, но с мягкими сиденьями и со спинками. И все же это были табуретки, я угадала правильно, потому что Улисс тут же уселся на одну из них и кивнул мне на ту, что рядом.

Женщина тихонько сказала Улиссу:

– Боюсь, придется все дезинфицировать. Ты только посмотри на ее одежду... об остальном я уж и не говорю.

Он зашипел на нее, и она смолкла.

Я не очень понимала, о чем она, но мне стало неловко и я топталась у этой странной табуретки, пока Улисс не сказал мне:

– Садись...

Я поглядела на женщину – она прикусила губу и отвернулась. Тут только я разглядела, что перед окном была та же плоская полка с выступами, как в этой их летающей лодке.

Я села и сказала:

– У вас неправильное окно. В него ничего не видно.

Спинка табуретки мне мешала, а сиденье было просто неприлично мягким, но наконец, я все-таки устроилась. Но женщина продолжала стоять у меня за спиной и мне это не нравилось.

Улисс нажал на один из выступов, и из гладкой поверхности вылез еще один Предмет – сам по себе, честное слово! – такой шарик на гибкой ножке.

– Я буду тебя спрашивать о разных вещах, – сказал он, – а ты отвечай вот в эту штуку, ладно?

Я сказала:

– Не пойдет.

– Почему? Что опять не так?

– Пусть ваша баба станет так, чтобы я ее видела.

Конечно, замечания старшим делать не положено, но разве я виновата, что он так и не научил ее прилично себя вести?

– Диана, пожалуйста, – сказал он.

Женщина, пожав плечами, прошла вперед и стала, облокотившись о гладкую поверхность этой их чудной полки.

– Теперь можно? – покорно спросил он.

– Ну...

Это оказалась одна сплошная глупость – он спрашивал меня о вещах, которые знает каждый ребенок – что мы делаем, как живем, что положено или не положено, а я должна была отвечать – вопросы следовали один за другим, все быстрее, быстрее, я уже не успевала ворочать языком, как вдруг он сказал:

– Пожалуй, хватит.

– Вам что? – спросила я. – Больше делать нечего?

Нет – я была права, они точно не в себе. День в разгаре, а они, вместо того чтобы охотиться, готовить землю к весеннему севу или работать по дому, сидят в пустой комнате – два взрослых, здоровых человека – и занимаются такими глупостями!

Я уже хотела встать и спросить – отвезет ли он меня теперь домой, как вдруг окно осветилось и на нем замерцали какие-то разноцветные полосы.

Я сказала:

– Ну и ну!

Но он не обратил на меня внимания, а таращился на эти штуки, будто в этих мерцающих полосочках заключалось что-то очень важное.

– Кто был прав? – спросил он женщину.

Та неохотно ответила:

– Это еще ничего не доказывает.

– Ладно, – сказал он, – попробуем по-другому. Сейчас я задам синхронизацию в пределах альфа-ритмов и попробуем стимулировать пространственное воображение. Поглядишь, как пойдет...

Я недовольно сказала:

– Почему вы говорите непонятное?

Это же невежливо. Как будто я – просто предмет обстановки и они обсуждают, куда его поудобнее переставить...

Он сказал:

– Прости. Сейчас я объясню. Видишь вот эти кнопки?

– Эти выступы?

– Ну да. Сейчас на экране сверху начнут падать объекты...

– Предметы?

– Не совсем. Такие штуки с уголками. А ты, нажимая на кнопки, будешь укладывать их так, чтобы между ними не оставалось просветов. Вот посмотри.

Тут это окно замерцало как-то уж очень противно, и из верхнего его края начали валиться разноцветные шукувины. Он нажал на выступ и одна из этих шукувин повернулась в полете. Другая упала точнехонько на нее и затиснула ее в угол. Я сказала:

– Ну и ну!

– Видишь, – сказал он довольно, будто сделал невесть какое важное дело, – а следующую (сверху уже валилась третья) нужно повернуть вот так... Вот этой кнопкой можно крутить их влево, вот этой – вправо... Вот этой – двигать в один бок. Вот этой – в другой. Попробуешь?

Сначала эти штуки валились медленно, но потом все быстрее и быстрее – только успевай укладывать. От напряжения я даже язык прикусила. Да еще проклятое окно (он его назвал экраном) мерцало так, что меня начало мутить.

Наконец они начали валиться так быстро, что я не успевала переносить палец с одной кнопки на другую. Да ну их в самом деле!

Я встала и сказала:

– Хватит! Это же одна глупость.

Он не рассердился, только заметил:

– Я думал, ты раньше не выдержишь. Ну что там? – это он уже женщине.

Тут штуки перестали валиться с экрана и на нем выросли разноцветные столбики. Она тихонько сказала:

– Этого не может быть!

– По крайней мере по этому показателю она выдает верхнюю границу, – сказал он, – полагаю, по остальным будет не хуже.

Она пожала плечами.

– Тогда почему они...

Он вроде как сердито поглядел на нее и она замолчала.

Я сказала:

– Меня мутит. И голова кружится. Что вы со мной такое сделали?

– Ничего, – успокоил он, – это сейчас пройдет.

– Мне нужно наружу...

На самом деле мне вовсе не было так уж плохо – просто я хотела выбраться из этого Дома. Уж очень тут было неуютно.

Он сказал женщине:

– Выйди с ней.

Я опять не успела заметить, что они сделали для того, чтобы кусок стены разошелся в стороны, – снаружи было сумрачно и сыро, туман блуждал между слепыми стенами чужих домов, и, как всегда во время тумана, было очень тихо – лишь поблизости что-то равномерно гудело и ухало, точно билось огромное сердце.

Я спросила:

– Что это шумит?

– Моторы на энергостанции, – непонятно ответила женщина.

– Вы специально говорите так, чтобы я не могла понять.

– Да вовсе нет, – она помолчала, потом добавила: – Потом тебе будет легче. Ты же начала учиться. И ты очень способная.

– Начала учиться? Чему? Я что-то не заметила.

– И тем не менее, это так.

– И вы меня учите?

– Да.

– Почему меня? Почему не своих детей?

– У меня нет детей, – ответила она.

Так я и думала! Понятно, что ее приставили ко мне.

Больше-то она ни на что не годится. Наверное, ее скоро выгонят. Или обменяют.

Я спросила:

– А что такое дезин... фек... тировать?

Она почему-то смутилась.

Потом сказала:

– Ну... понимаешь... у вас очень мало воды... поэтому...

– А, – сообразила я. Могла бы и раньше сообразить – сама она была чистенькая, никакой грязи под ногтями, сами ногти гладкие, розовые... – А у вас правда много воды?

Она неохотно сказала:

– Достаточно.

Тут уж мне почему-то стало неловко.

– Может, я умоюсь? Если вам не жаль воды?

– Потом... – неопределенно ответила она. – После...

Улисс, стоя на пороге, окликнул нас:

– Ну что? – спросил он. – Продолжим?

Я удивилась.

– Разве это еще не все?

– Ну разумеется, нет, – сказал он. – Нам нужно было определить уровень твоих способностей, немножко подправить кое-что, чтобы ты быстрее обучалась – но с завтрашнего дня начнешь учиться писать.

– Чего?

– Научим тебя делать записи.

Я сказала:

– Вы все-таки ненормальные. Записи написаны не человеком. Это всем известно. Ни один человек так не сможет – чтобы все знаки были похожи друг на друга. И стояли так ровно.

– Большая часть великих книг, – сказал он, – сначала писалась от руки. Сама подумай, разве трудно воспроизвести какой-нибудь знак? Хотя бы углем на стене, если уж нет ничего другого!

– Может, и не трудно. Но кто этим будет заниматься? Да и зачем? В этом же нет никакого смысла!

– Ты ничем их не проймешь, – тихо сказала женщина, – сам видишь.

– У них все подчинено голой прагматике, – ответил он. – Но если освободить их от необходимости ежедневно бороться за выживание и чуть-чуть подтолкнуть...

– Может, стоит подождать – у группы Коменски тоже есть кое-какие соображения. Нам легче будет сориентироваться.

Он усмехнулся.

– Тебе все кажется, что это какая-то ужасная ошибка, а?

Она пожала плечами и промолчала.

Я сказала:

– Я хочу домой.

– Хорошо, – ответил он, – я сейчас тебя отвезу.

Тут я увидела, что лодка сама собой подплыла к Дому и остановилась у порога.

– Ты же уже ездила в ней, – сказал он, заметив, что я попятилась, – садись.

Я предпочла послушаться – иначе мне пришлось бы остаться здесь, а мне тут здорово не нравилось. Да и им я не очень доверяла – пока вроде они не сделали мне ничего плохого, но вдруг передумают? Где их вода, и течет ли у них горячая – сама по себе, как в Записях, я тоже не стала спрашивать.

– Почему она ходит сама, эта ваша лодка? – спросила я, устраиваясь на сиденье.

– В ней есть своего рода память, – ответил он. – В принципе, она и сама могла бы довезти тебя до дома, но я подумал, что одной тебе будет страшно.

На всякий случай я сказала:

– Как же!

– Чтобы построить такие машины, нужны знания определенного рода и довольно тонкие навыки. Но никаких хитростей тут нет.

– Да будь это так просто, как вы говорите, их было бы повсюду полным-полно, таких лодок! А где вы их видели? Это же только в Городах Мертвых предметы двигаются сами по себе!

– Я не сказал, что это просто, – возразил он, – я только сказал, что в принципе это возможно. А что такое Города Мертвых?

– Лучше бы на ночь глядя об этом не рассказывать. Но, в общем, это такие большие становища. Говорят, кое-кто из прежних людей ушел туда после смерти – куда-то же им надо уходить. Там вода сама льется и свет не гаснет – такой вот, как у вас, но зачем мертвецам вода и свет? Вот они и бродят там по улицам, – им ведь ничего не надо делать, – думают, что они живые. Иногда случается, кто-то из них совсем забывает, что умер... тогда они ищут живых.

– В общем, понятно, откуда у вас взялось такое предание, – сказал он. – В каком-то смысле это память о прошлом... Мы видели развалины больших городов. От них, правда, мало что осталось.

Я неохотно сказала:

– Развалины – это одно. Говорят, они так стоят испокон веку. А Города Мертвых – совсем другое.

– Что-то ты первая, от кого я про них услышал, – заметил он.

Я поняла: он думает, что я вру.

– А вам никто больше и не расскажет. О таких вещах никто вот так ни с того, ни с сего не станет говорить, я и сболтнула-то со страху.

– Нужно будет навести справки, – непонятно сказал он.

Я поняла, что он из тех, кто, раз вцепившись в какую-нибудь историю, не успокоится, пока не вытянет из собеседника все, что тот знает, нравится тому это или нет. Но тут лодка подплыла к нашему Дому и разговор прекратился сам собой.

– Чему они тебя учили? – Скарабей все никак не мог понять, что к чему, и не удивительно; кто бы такому поверил. – Чурочки складывать?

– В общем, да, хотя это не чурочки. Их на самом деле-то, можно сказать, и нету. Потом еще картинки. Четыре клеточки и в трех из них рисунки. Животные, растения, Предметы. Четвертая клеточка пустая. А в нижнем ряду тоже всякие разные рисунки. И надо выбрать из них один и поместить в четвертую клеточку.

– Зачем?

– Для порядка.

– Ну и ну! И ради этого они за тобой таскались сюда на этой своей лодке!

– Они и завтра приедут. Конечно, все это одни сплошные глупости, но кормят в их Доме сытно. Там и впрямь еды полно. По-моему, они, сказать стыдно, что не доели, то выбрасывают. Так что если им так уж хочется тратить время на дурацкие картинки, пусть себе. А еще они сказали, что научат меня делать Записи. Такое может быть?

Старик задумался.

– Записи, – сказал он, – делались не человеческой рукой.

– Но ведь можно их перерисовать? А?

– Куда? На стенку, что ли?

– Хоть бы и на стенку.

– Откуда ты знаешь, что у тебя получится именно та Запись? Если она будет записана другой рукой, на другом материале... Не изменится ли ее смысл?

– А ты как думаешь?

– Не знаю, – честно сказал Скарабей. – Беда в том, что смысл большинства Записей и так непонятен. И читая их, можно легко ошибиться. Помнишь, что случилось в Становище Белого Камня?

– Ага.

Все помнят, что случилось в Становище Белого Камня, потому что эта история наделала много шума. Ихний Хранитель, вроде бы, сумел по записям разобраться, что делать с одним из Предметов – круглой железной штукой. На ней было такое колечко, что-то там надо было сначала отвинтить, потом дернуть – он и дернул за него. Не скажу, что от Дома ничего не осталось – кое-что точно осталось, иначе кто бы знал про эту историю, но вот от Хранителя – точно нет. И, что совсем уж грустно, Записи тоже погибли и большая часть Предметов. Скарабей полагает, тот Хранитель неправильно прочитал Записи. А мне вдруг подумалось – а вдруг как раз и правильно? Эта мысль осенила меня неожиданно и от нее сделалось как-то не по себе.

Он сказал, что если я думаю, что теперь я такая важная и в Доме у меня никаких обязанностей нет, то я очень ошибаюсь, и посадил меня разбирать Запись. Из чистой вредности, я полагаю, потому что уже было совсем темно и пришлось зажечь светильник. Запись была из тех, что Звездные Люди обработали – читать ее было одно удовольствие, потому что она не крошилась под руками; Хранитель решил, что, может, из этой Записи как раз и выйдет какой-то толк – из того, что он успел разобрать, было ясно, что она про то, как искали какой-то Предмет, такой, видимо, важный, что им пришлось объединиться несколькими Домами. На этот Предмет вроде претендовал еще какой-то Дом, который владел им раньше, а потом потерял. Тот Хранитель, который возглавлял поиски, был, похоже, мужик толковый, во всяком случае, если верить его помощнику, который все это и рассказал Тому-Кто-Записывает. Я глубоко вздохнула и начала:

«– Все страшное позади, – сказал я. – Да и опасности особой не было. Не хочу я больше рассказывать обо всяких ужасах».

На всякий случай я оторвала глаза от Записи и пояснила:

– Это он перед своей бабой выдрючивается.

«Давайте лучше поговорим о приятном. Видите – в этом ларце сокровища. Как это замечательно! Холмс специально отпустил меня, чтобы я привез его вам и вы первая открыли его». Сокровища – это что?

– То, что спрятано, – ответил Скарабей.

– Предмет? Но какой именно?

– Они предпочитали их не называть, – пояснил он. – Говорили «сокровища», «клад».

– А ларец?

– Ящик с крышкой. Место, где хранят ценные предметы.

– А, поняла. Склад!

– Похоже на то. Читай дальше.

– Видно, заключили соглашение, что этот самый ларец получает Дом этой бабы, и она им платит отступного. А если он ее посватает, ученик Хранителя этот, Предмет отойдет ему в виде калыма?

– Ты будешь читать или нет?

– Ага. «...Да, конечно, мне будет очень интересно посмотреть, сказала мисс Морстен...» – у них тоже непонятные имена – точь-в-точь, как у Звездных Людей. Знаешь, как бабу эту зовут, ту, что сюда приезжала? Диана! Вот смеху-то. «...не проявляя, однако, эн-ту... зи...»... непонятно... Ага, вот: «Она, без сомнения, подумала, что бестактно оставаться равнодушной при виде Предмета, который стоил таких трудных и опасных поисков». Ага, он ломает этот самый ларец кочергой... дальше неразборчиво... был пуст! Столько сил положили, и все зря. Даже непонятно, какой именно Предмет там лежал! А баба эта, похоже, не очень расстроилась.

– Так я и знал, – Хранитель тяжело вздохнул, – что из этой Записи толку не будет. Если несколько Домов передрались из-за этого Предмета, то, видно, он был таким ценным, что его даже описывать побоялись. Вон, даже замок не пожалели, сломали... Может, там есть что-то про устройство замка?

– Литой, массивный запор, изображавший сидячего...щего... Будду...

– Нет, опять непонятно, – он вздохнул. – Можно всю жизнь положить, и так и не найти ничего полезного.

– Может, в наших Записях вообще ничего путного и нет? Вот если бы ты допустил меня к Предметам...

– Мала еще, – проворчал старик. – Предметы – штука опасная, если не знать, как с ними обращаться.

На всякий случай я сказала:

– Можно подумать, я одна не знаю.

Но он больше рассуждать на эту тему не стал, – видно, с самого начала был зол из-за того, что с Записью ничего путного не вышло; велел мне погасить светильник и убраться с глаз.

Может, он расстроился потому, что зря понадеялся на Звездных Людей – никакой пользы от этого обучения не было.

...А может, он все равно втайне на что-то надеялся, потому что ездить с ними не запретил; эта их лодка пришла за мной на следующее утро, и на следующее. Они, видно, и впрямь полагали, что чему-то меня учат, хотя я и не понимала, чему – я должна была часами таращиться на этот их экран, порой он ничего не показывал – просто мерцал каким-то гнусным тошнотворным образом, или на нем вспыхивали картинки или слова – так быстро, что я едва успевала их заметить, не то, что сообразить, что именно они изображали. Порой мне вновь приходилось гонять по экрану какие-то загогулины – Звездные Люди называли это Испытанием; сначала я решила, что они испытывают эти загогулины – движутся ли они как надо, – но потом поняла, что меня. Порою я до того насматривалась на перемещение цветных линий, что даже когда закрывала глаза, видела под веками какие-то пятна и яркие вспышки – сначала

я решила, что на меня навели какую-то порчу, но Улисс сказал, это «нормальное явление» и скоро пройдет. Одна только польза была от всех этих глупых занятий – кормили там хорошо.

Нужно сказать, Хранитель оказался прав – воды там было хоть залейся, даже горячей. Она шла из такой штуки, которая называлась «кран» – для этого нужно было повернуть нашлепку сверху. Удобная вещь, но для нас ее никак не приспособишь... Еще там были такие розовые душистые кирпичики – Диана назвала их «мыло». Если им вымыть голову, сказала она, волосы у меня станут в точности, как у нее самой. Тут уж она приврала – сколько я их ни терла, золотыми они так и не стали.

Диана даже постирала мою парку – забрала ее как-то утром, а вернула перед отъездом. Парка была как новенькая, даже узоры на подоле; а я уж забыла, какого они цвета...

Сначала я никого, кроме Дианы да еще Улисса, и не видела – а когда спросила, где же все остальные, она рассеянно ответила, что у остальных и без того дел полно, а двух учителей на одну маленькую девочку вполне достаточно. Однако, полагаю, что если у тех, кто оставался в становище, и были какие-то дела, то довольно странные – раз делались они только за стенами Домов.

Впрочем, однажды Диана как-то уж особенно придирчиво оглядела меня, заставила причесаться и велела вести себя «прилично». Я так и не поняла, что они под этим подразумевали, но на всякий случай решила поменьше размахивать руками... Диану порой раздражали очень странные вещи...

В общем, я сидела на стуле и старалась не вертеться, а Диана вышла и вернулась еще с одним Звездным Человеком, тоже высоким – не ниже Улисса, но этот был совсем седой. Правда, старым его никто бы назвать не решился – держался он прямо и двигался легко.

– Вот, – сказала Диана, – это и есть наша ученица.

Я на всякий случай встала с табуретки и сказала:

– Здравствуйте.

Он мне не ответил, лишь быстро оглядел меня с головы до ног холодными серыми глазами.

– Вот эта? – сказал он.

Похоже, я ему не понравилась.

Диана вступилась:

– Она способнее, чем кажется.

Я некоторое время была занята тем, что пыталась понять – похвалила она меня? Или наоборот?

– Покажи, что ты умеешь, Выпь, – сказала она.

Я умела много чего, но это ее вряд ли интересовало.

Как-то я пыталась рассказать ей, как мы делаем всякие плоские из глины, она выслушала, но все больше из вежливости. Зато когда я начинала рассказывать содержание тех Записей, что успела прочесть у Хранителя, ее было за уши не оттащить.

Потому я спросила:

– А что?

Она положила передо мной какую-то Запись – на тонком белом листе, даже страшно в руки взять – и сказала:

– Прочти что-нибудь, ладно? Помнишь, как мы с тобой читали? Ну что ты?

Я шепотом сказала:

– Диана, я не могу.

Она растерялась:

– Это еще почему?

– Я же его не знаю... Это... не хорошо.

– Но мы же с тобой...

Она ничего не понимала. Я отозвала ее в сторонку и сказала, по-прежнему шепотом:

- Хранитель меня сюда отправил с вами, значит, с вами можно. А вообще так не делают. Не читают Записи перед человеком, который тебе даже имени своего не сказал.
- Его зовут Лагранж.
- Он сам его должен назвать... А так...
- Что там стряслось? – раздраженно спросил седой. Он посмотрел на часы – такой круглый плоский предмет на запястье. Они все время на него смотрели. Диана говорит, что по нему можно узнать время. Как будто если его измерить, что-то от этого изменится...
- Погоди, Лагранж... сейчас я все улажу...
- У меня через пять минут сеанс связи, – сказал тот, повернулся на каблуках и вышел. Диана побежала за ним. До меня долетали какие-то обрывки разговора, запомнить-то я запомнила, но ничего не поняла. Потом Диана вернулась. Вид у нее был какой-то пришибленный.
- Ну что же ты... – сказала она укоризненно.

На следующий день лодка не пришла.

Я так удивилась, что даже ничего не сказала. Побоялась. Ну и в глубине души подумала, что, может, оно и к лучшему. Уж очень я уставала там, в Доме Звездных. Неправильно уставала – не телом, а головой. Но, когда она не пришла и на следующий день, я забеспокоилась.

– Ну что ты бродишь, как тень? – сердито спросил Хранитель. – Займись делом, раз уж сидишь в Доме. Вон, этот паршивец до чего хозяйство запустил...

Я виновато сказала:

– Я сделала что-то не то... Они и обиделись. Диана говорила этому... Гранжу, что я слишком... слишком... никому... не кабельна. Это что-то значит?

– Понятия не имею, – сказал Скарабей. – Но, насколько я понял, Звездные – люди вежливые. И если бы они тебя выставили (и, кстати, поделом), то извинились бы хотя бы передо мной. Скорее всего, у них нашлись какие-то другие дела. Они же не обещали тебе приезжать за тобой каждый день?

– Нет. Но до сих пор они всегда так и делали.

– И у тебя это вошло в привычку, – сказал Старик. – Вот и избавляйся от нее. Мы сами по себе. Они сами по себе.

Я не успела избавиться – на следующий день лодка пришла.

С самого утра. Улисс спрыгнул с нее и вошел в Дом.

– Прошу прощения, отец, – сказал он Хранителю.

Я подумала – сейчас скажет, что я некабельна, вот тут все и начнется. Но он сказал:

– У нас тут беда случилась... Вот мы и вынуждены были на время оставить занятия...

– Сочувствую, – вежливо сказал Скарабей.

Он не спросил – какая, поскольку был человеком вежливым. Я бы спросила, не удержалась.

Но Улисс сам сказал:

– Мы высадили одну из наших групп у развалин, там, на севере... Ну, знаете...

– Не знаю, – сказал Скарабей.

Он отвечал только за свои развалины, понятное дело – чужие ему были ни к чему.

– Ну ладно. Все равно это довольно далеко отсюда. Но там когда-то был крупный город и мы подумали... В общем, они пропали. Семь человек... Не знаете, там опасно?

– Везде опасно, – сухо сказал старик.

– Мы пытались их разыскать, но... Ладно, Выпь, собирайся, Диана ждет.

Уже в мобиле я спросила:

– А что с ними случилось, с этими вашими людьми?

Он печально ответил:

– В том-то и беда, что мы не знаем. Они выходили на связь вечером, два дня назад... плановый сеанс... Следующий должен был быть утром, но...

– Что такое «плановый сеанс»?

– Я же рассказывал тебе. Есть способ говорить на расстоянии. При помощи Предметов. Я кивнула, потому что и в Записях порою попадалось что-то в этом роде.

– Наверное, – сказала я, – ночью на них кто-то напал. Неожиданно.

– На нас невозможно напасть неожиданно. Ты же сама видела – в лагерь нельзя проникнуть... он защищен силовым полем. Потом... наверняка остались бы какие-то следы борьбы... насилия... а лагерь просто пуст... Мы обыскали всю округу, никаких сигналов, никаких следов, ничего... приборы зарегистрировали сильное возмущение электромагнитного поля, но... мы и сами такие наблюдали... скорее, это все же природное явление...

Я покачала головой. Половины из того, что он говорил, я не поняла, но точно знала одно – если кто-нибудь настолько уверен в своей неуязвимости, он, считай, уже мертвец. Наверное, их людей уже убили и съели, но разве этим втолкуешь?

А вечером, когда я вернулась, у Хранителя была Дрофа. Они, видимо, о чем-то спорили, но когда я вошла, разом смолкли, развернулись и уставились на меня.

– Явилась, – Дрофа неодобрительно поджала губы, – полюбуйтесь на нее.

Скарабей неохотно проговорил:

– Оставь девочку в покое. Это я ей велел.

– Люди недовольны. Жалуются, что чужаки сюда зачастили. И все из-за этой. Да и она не лучше; катается взад-вперед на этой штуке, словно так и надо. Откуда ты знаешь, что они с ней там делают?

– Ничего плохого они с ней не делают. Они сказали, будут ее учить.

– Чему учить? Ты только посмотри на эту бестолочь – чему ее можно научить? Стоит, глазами хлопает.

– Пусть она сама расскажет. Чему они тебя учат, Выпь?

Я растерялась. По мне, так они и впрямь ничему толковому меня не учили – одни сплошные глупости, но скажи я все как есть, хлопот не оберешься. Дрофа баба вредная. Мало ли что ей в голову взбредет...

И тут же услышала:

– Может, порчу на нее навели... Нечего ей туда ездить.

Я торопливо сказала:

– Учат разбираться с Предметами. У них этих Предметов полным-полно.

– И Предметы их, небось, порченые. И тебя они испортили.

Я взяла плошку и пошла к хранилищу в дальнем углу.

Скарабей было дернулся, но Дрофа смотрела на него так язвительно, что он промолчал.

– Ну? – ехидно сказала Дрофа.

Предметы лежали там в полутьме, каждый в своем гнезде, каждый для чего-то когда-то был предназначен, каждый очищен от грязи и ржавчины...

– Вот это... – сказала я.

– Что, – спросила Дрофа, – вот это?

– Это не совсем Предмет. Это часть Предмета. И вот это – тоже.

Многие Предметы попадались нам скрюченные, перекореженные какой-то неведомой силой, а один выглядел так, словно кто-то скручивал его, пытаясь выжать воду. И я вдруг почему-то поняла, что это его настоящая форма.

– Если вот эту... скрученную штуку, – начала я.

– Винт... – тихо подсказал Хранитель.

– Ага... Если вот этот винт запихать вот в эту трубку...

...Тогда на него очень удачно надевается сначала вон тот металлический цветок с острыми по краям лепестками, а потом вот эта плоская штука с дырочками, а вон ту ручку нужно насадить на винт с другой стороны... Ручка, правда, была чуть-чуть подпорчена, и раньше на ней, должно быть, имелась деревянная нашлепка, чтобы удобнее было хвататься, но и так сойдет. В станине, к которой крепился раструб, было отверстие, должно быть, сквозь него продевался какой-нибудь штырь – сейчас его не было, мелкие Предметы имеют свойство разбегаться, как тараканы, но если бы он был, всю эту штуку можно было бы укрепить на деревянной доске.

– И что? – Дрофа подозрительно наблюдала за моими действиями. Скарабей тоже. Не иначе, как он решил, что я соорудила что-то опасное.

– Это такая мельница. Только маленькая. И она не перетирает, а режет. Винт проталкивает все, что вы кладете вот сюда... Только прижимать нужно осторожно... а то палец отхватит...

– И что ей можно резать?

– Хоть что. Хоть овощи, хоть мясо. Сами увидите.

– Ну и ну, – сказала Дрофа. Она схватила мельницу и вылетела из комнаты – только мы ее и видели...

Скарабей тоже сказал:

– Ну и ну!

Я скромно промолчала.

– Как это ты догадалась? – изумленно спросил Хранитель.

– Не знаю. Просто само так получилось. Вроде как увидела...

– А... – нерешительно спросил он, – еще можешь?

– Тут больше нет ничего такого... целостного... может, если порыться в других Хранилищах...

– Ладно, – сказал он, – ладно, потом... Так значит, вот чему они тебя учат...

Я подумала, что ничему такому они меня и не учили, но на всякий случай сказала:

– Ага!

– Ну, теперь пусть только попробуют... – мрачно произнес он.

Я поняла, что на этот раз пронесло. Только не поняла, как.

После этой истории уже никто не возражал против того, что сверкающая лодка Звездных Людей ежедневно, утром и вечером, появлялась в становище, а вскоре случилось и еще кое-что.

Может, не вози они меня каждый раз туда и обратно, все обернулось бы по-другому, но раз заведенный порядок соблюдался неукоснительно. Я ни разу не оставалась ночевать в их становище. В том Доме, где они со мной работали, даже и не было ничего похожего на постель, а больше никуда они меня не пускали. С утра кто-нибудь из этих двоих – либо Улисс, либо Диана – забирали меня, а вечером привозили обратно. Весной вечера долгие, но если эта их лодка не успевала добраться в становище до темноты, она освещала себе путь огнями – яркими, как маленькие луны. Если это была Диана, она делала что-то такое, отчего начинала сама по себе звучать музыка – хоть сначала я даже и не поняла, что это музыка, потому что уж очень она странная – ни складу, ни ладу; словно инструменты, вместо того чтобы играть в едином порыве, изо всех сил старались помешать друг другу. Потом-то я привыкла, и поняла, что что-то в ней все-таки было. Порою в игру вступали голоса, когда мужские, когда женские. Я уже знала, что они существуют как бы сами по себе, отдельно от человека; они как бы были всегда, как Записи, и одну и ту же мелодию можно было слушать сколько угодно; она нисколько не менялась. Но однажды музыка прервалась в неправильном месте и вместо нее раздался незнакомый голос. Он что-то произнес на непонятном языке, который я ненавидела именно потому, что ничего не

могла разобрать. Скарабей бы понял, подумала я, надо попросить его, чтобы он и меня научил. И сама удивилась этой мысли – прежде-то от лишних занятий я старалась увильнуть.

Диана, к моему удивлению, ответила – в ту штуку, которая выдвинулась из панели; вроде той, с которой у них в Доме разговаривала я.

Потом она дотронулась пальцами до панели и лодка пошла быстрее. Вообще-то это была не лодка, она называлась «мобиль» или что-то вроде того, хотя совершенно непонятно, зачем придумывать новое название, когда есть старое.

Я спросила:

– Что случилось?

– В нашу сторону движется отряд вооруженных людей, – неохотно пояснила она. – Верхов.

Я сказала:

– Ох!

Зимой кочевники отходят на юг, там тепло и травы больше, а потом, к весне, откатываются назад, разбиваясь на мелкие отряды, которые отходят далеко в сторону от основного пути.

– Сколько их?

– Человек сто, – сказала она, – сто пятьдесят. Если они будут двигаться с той же скоростью, через час доберутся сюда.

– Через...

– Скоро.

Она так и ворвалась в становище – на этом своем мобиле, сиявшем огнями, а уж орал он так, что все повыскакивали наружу – посмотреть, кто кого мучает.

Я спрыгнула на землю и заорала:

– Кочевые! Сюда идут кочевые! Мы их видели!

– Но ведь... – пробормотала она.

– А вы расскажите им про эту вашу связь на расстоянии. Так они вам и поверят!

В становище поднялась суматоха. Лестницы убрали и приготовили метательные камни; часть из них обмотали тряпками, пропитанными горючей жидкостью, мужчины устроились за каменной насыпью, откуда можно было обстреливать все подступы к становищу. Лодка Дианы зависла над склоном, погасив огни, точно ее и не было. Какое-то время было тихо – все затаились, потом я услышала топот; они всегда несутся на полной скорости, рассчитывая на внезапность, и вскоре ворвались в долину – темная полоса на фоне сумеречного неба, облако пыли, поднятое лошадьми, размывало очертания и оттого казалось, что лошади и всадники сливались в одного огромного невиданного зверя.

У меня заболела нога.

Может, их и впрямь было не больше сотни, но мне показалось, гораздо больше; наши ждали молча, чтобы подпустить их поближе, а те, когда подошли на расстояние полета стрелы, начали отчаянно орать и колотить своими короткими копьями по щитам, и от этих криков мне стало ну просто плохо. Тут в них полетели камни из катапульта и огненные шары, разбрызгивая искры падали под ноги лошадям, заставляя их храпеть и шарахаться в стороны. Не знаю, чем бы все это могло кончиться – я вспомнила ту корзину и подумала, что теперь-то мне под нее не влезть, но тут из-за гребня, сверкая всеми огнями и вопя, как раненый зверь, выплыла лодка Дианы. Она зависла над головами нападавших, неуязвимая для стрел, да еще из нее начал валить разноцветный дым, от которого те побросали поводья и начали тереть себе глаза, а лошади становились на дыбы и сбрасывали их под копыта. Началась свалка, и наши мужчины повылазили из укрытий и пошли их добивать, хотя вскоре и сами начали чихать и кашлять от дыма. В общем, можно сказать, нам привалила большая удача, хотя, кроме лошадей и оружия, разжиться было особенно нечем – кочевые передвигаются налегке.

Диана вышла из мобиля – нижняя часть лица у нее была скрыта под маской, и теперь с ужасом смотрела, как наши методично добивают раненых – глаза у нее стали как плоски, я такого никогда не видела; ее аж трясло, а когда взгляд ее наткнулся на одного, с раздробленной головой, она посерела, рывком стащила маску и ее вырвало прямо тут же – она и отбежать не успела. Я думаю, у них такой слабый желудок, потому что они едят слишком нежную пищу. После чего она утерлась, залезла обратно в свой мобиль и поминай как звали.

Даже не попрощалась – а наши-то собрались ее честь по чести поблагодарить, такую спасительницу.

Но кто же забудет доброе дело – и когда на следующее утро за мной приехал Улисс, его приняли честь по чести, старейшины всех Домов вышли встречать мобиль, и Улисс вежливо выслушал заверения наших в вечной дружбе. Он и сам произнес что-то, подобающее случаю, но, по-моему, чувствовал себя при этом несколько неловко, и все озирался по сторонам, – не знаю, что уж там он такое рассчитывал увидеть; покойников уже раздели и убрали; пленников увели (их было всего двое) – смотреть было не на что.

Потом он вернулся в мобиль – я уже сидела там, – и сказал:

– Поехали.

Какое-то время мы ехали молча, но я видела, что он хочет о чем-то спросить, и не решается.

Я сказала:

– Ваша Диана здорово соображает. Уж не знаю, чем она их...

– Слезоточивым газом, – рассеянно сказал он, и добавил: – Послушай...

– Да?

– Меня пригласили на праздник... собственно, нас всех пригласили...

Я сказала:

– Ну да. Вы же наши союзники.

Со стороны старейшин этого следовало ожидать – раньше-то всем казалось, что, хоть с племенем Звездных Людей и можно вести дела, все они, в общем и в целом, все-таки придурки, но после вчерашнего стало понятно, что таких могущественных друзей, как они, больше днем с огнем не сыщешь. Теперь-то никто не скажет, что от пришельцев идет порча.

– Если вы с нами породнитесь, сможете брать к себе наших женщин. Этой весной как раз несколько вошли в пору. Не за так, понятное дело. Но много с вас не спросят – какие счета между своими...

Он, похоже, не слишком обрадовался.

– А на этом празднике...

– Будет много хорошей еды.

– Да, – тоскливо сказал он, – но какой еды?

Тут только я сообразила.

– Да что вы себе думаете? Что мы, дикари, что ли? Мы покойников не едим. Иначе как же они найдут дорогу домой, по-вашему? Так и будут тут шлаться, а кому это нужно? Мы их кладем в пещерах, лицами на закат, все честь по чести. Даже оружие им даем – правда, не железное. Они не разбирают, честно говоря, какое оружие им дают, мертвые.

Он вздохнул вроде как с облегчением.

– Конину приготовят, – сказала я. – Мы столько лошадей не прокормим.

Тут он опять затосковал.

– Я видел вчерашнее побоище, – сказал он.

– Бросьте врать-то, – не удержалась я, – как вы могли видеть, когда вас там и не было?

Диана была.

– На мобиле установлены автоматические камеры. Они фиксируют все, что происходит.

– Как Записи?

– Да, – устало ответил он, – как Записи.

Он задумался. Потом сказал:

– Одно дело читать про то, что было давным-давно, совсем другое – видеть все это собственными глазами.

– Что с того? – возразила я. – Мир-то не меняется.

Он опять вздохнул:

– Похоже, что нет.

– Уж не знаю, откуда вы там прибыли – может, у вас другие порядки, но у нас отродясь так было.

Он старался не показывать виду, но я-то заметила, что ему не по себе. Может, конину они тоже не едят?

– Да как же вы жить-то тут будете, если вы такие нежные? А эта ваша Диана? Как посмотрела на этого ублюдка, так и пошла блевать. Камень-то ему из катапульты в башку попал, да он еще и свалился под копыта... голова, понятное дело, раскололась, как орех, мозги на камень – блямс! А она как позеленеет, и...

– Ох, да помолчи, пожалуйста, – быстро сказал он.

– Когда из катапульты бьют, почти всегда так. У вас что же, катапульт нет? Чем же вы тогда будете обороняться?

– Уж найдем, чем.

Сегодня им было не до меня; видно, готовились к празднику – если наши собираются засыпать своих новых друзей подарками, то и этим, понятно, не хотелось оставаться в долгу; вот они и собирали какие-то тюки; свертки ткани – легкой, но прочной; эту их замечательную посуду, которая не бьется, даже если уронить ее на каменный пол; и даже бруски железа – богатые дары, очень богатые. У этих Звездных Людей, видно, всего в изобилии, если они могут позволить себе такую щедрость. Так что Дианы, которая почти все время болталась тут, я сегодня почти не видела, зато пришел этот, седой – они с Улиссом говорили о чем-то, на нашем языке, не на своем, но так быстро и тихо, что я могла разобрать лишь отдельные слова: «такая возможность...», «тебе придется...», «в любом случае...». Седой вроде как настаивал, Улисс возражал, они незаметно начали говорить все громче. Потом седой сказал:

– Ладно. Но имей в виду – мы можем и ошибаться.

– Нет, – возразил Улисс, – не думаю. Ты же видишь: больше нигде... ничего...

– Значит, – заметил седой, – мы не там ищем.

– В любом случае, – опять сказал Улисс, на этот раз уже потише, – они наши соседи...

Они опять перешли на шепот, потом седой вздохнул, словно собирался сказать что-то еще, но махнул рукой и вышел.

Я спросила:

– Этот Гранж вождь?

Улисс покачал головой.

– У нас нет вождей. Но Лагранж отвечает за определенную область деятельности. За отношения между людьми.

– Вроде старейшины?

– Да, что-то в этом роде.

– Чем он недоволен?

– Он считает, что мы зря теряем время. Я так не считаю. Если бы он предложил какую-нибудь альтернативу, я бы, пожалуй, еще и прислушался, но...

Я уже заметила за ними – они всегда отвечают на вопросы, но порою так, что понять все равно ничего нельзя.

Сегодня все пошло не так, как обычно; сначала Улисс отвез меня, потом отбыл, а потом мобиль вернулся – и с ним трое, Улисс с Дианой и этот самый Лагранж. Их приняли честь по чести, и после полагающегося обмена дарами усадили на почетное место, выставив перед ними по кувшину кислого вина и по огромному куску мяса – хорошее место, удобное, подальше от детей и перестарков, которые так и норовят выхватить из рук кусок.

Меня бы тоже шуганули оттуда, но я, вроде как, была при них.

Обряд породнения они прошли честь по чести, хотя, по-моему, когда Кречет подошел к ним со священным ножом, особого восторга у них это не вызвало. Тем не менее, они позволили надрезать себе руки, и кровь их стекла на землю, смешавшись с кровью остальных. Дары, которые предназначались им, хорошие дары, большей частью железные, они погрузили в свой мобиль. Хранитель, скрепя сердце, предложил им кое-какие Предметы – на выбор (правда, из той части хранилища, где все было явно, заметно порченное и негодное к употреблению), и они вежливо сказали – большое спасибо, они со временем разберутся и выберут себе что-нибудь по душе. Понятно, времени у них теперь было полно – они могли бывать тут сколько хотели.

И все бы прошло гладко, но тут Кречет повел их к пленникам.

Эти были даже не ранены, просто оглушены падением с лошади и теперь лежали у Закатного камня, связанные – руки заведены за спину и притянуты к лодыжкам, все честь по чести.

Но они уже успели оклематься и теперь так и зыркали по сторонам.

– Прошу вас, дорогой гость, – вежливо сказал Кречет и протянул священный нож этому Лагранжу, видимо решив, что он тут старший и есть.

Тот недоуменно попятился.

– Похоже, – тихонько сказал Улисс, – нам предлагают с ними расправиться.

– Ну да, – подтвердил Кречет, – это большая честь. И вам и им. Это храбрые воины и им полагается умереть от ножа. Иначе, как же они пойдут на Запад?

– Нет, – сказал Лагранж, – нет. Этого я сделать не могу... Я дал зарок. Да, вот именно – зарок.

– Зарок не убивать? – удивился Кречет.

– Не убивать связанных, беспомощных людей, – твердо ответил Лагранж.

Кречет поглядел на него и на его невозмутимом лице промелькнула усмешка.

– Что ж, – согласился он, – по мне, так чего не бывает. Но может, если вы связали себя такой странной клятвой, то ваш человек...

– Ох, нет, – с коротким смешком произнесла Диана.

Кречет даже не обернулся, словно ее и не существовало.

– Отдать нож ему? – он кивнул на Улисса.

Интересно, подумала я, как он выкрутится? По-моему, такое убийство им претило, хоть никто из них ни разу не сказал об этом прямо.

– Этот зарок, – спокойно сказал Лагранж, – распространяется на все наше племя.

Кречет пожал плечами.

– Дело ваше. Я-то думал, вы сильный народ. Настоящие мужчины.

Это было почти оскорбление, но, по-моему, кроме Кречета и меня, его никто и не заметил. Да еще пленники. Один из них сплюнул на землю, продолжая сверлить Лагранжа мрачным взглядом.

– Тогда позволь мне, – сказал Кречет, – друг мой.

Он взял священный нож и уже сделал шаг вперед, когда Лагранж торопливо произнес:

– Погодите.

Тот, видно, решил, что его новый побратим наконец-то взялся за ум, мигом обернулся и сказал:

– Да?

– Мы можем их выкупить, – Лагранж твердо смотрел ему в глаза. Признаться, в выдержке ему нельзя было отказать. – Назовите свою цену.

– Цену? – холодно переспросил Кречет. – Какая же у них цена? Их жизнь здесь не имеет цены, друг мой.

И добавил, мягко прижав священный нож ладонью:

– Вот смерть – имеет.

– Если их смерть будет принадлежать нам, – спокойно сказал седой, – я сочту это подтверждением нашей дружбы.

Кречет с минуту поразмыслил.

– Так вам нужны рабы? – сказал он презрительно. – Что ж, у каждого свои обычаи. Мы рабов не держим. Потом, эти никуда не годятся, друг мой. Из кочевых плохие рабы. Они слишком горды для этого. Они никогда не простят вам, что вы их не убили.

– Это, – Лагранж решил не уступать, – уж наша забота.

Кречет поджал губы.

– Хорошо, – сказал он, – хорошо. Берите так. Я презирал бы себя, если бы начал торговать людьми. А вы, ладно, берите. Даром.

И насмешливо спросил:

– Может, вы хотите, чтобы я разрезал на них веревки?

– Не стоит, – сказал Лагранж, – мы подгоним мобиль сюда.

Один из кочевых, тот, что постарше, даже не пошевелился, хотя отлично понял, что тут говорилось – наречие кочевых не слишком-то отличается от нашего, зато молодой не выдержал – он так и извивался в своих веревках, точно пойманная выдра.

– Убей меня, – прохрипел он, – ты, дерьмо. Если ты не хочешь убивать безоружного, развяжи меня и попробуй убить тогда!

– Что ж, – Лагранж пожал плечами, – потерпи до лагеря.

Он кивнул Улиссу – что бы они там ни говорили, он все-таки был среди них чем-то вроде старейшины, раз все его слушались; Улисс рывком поднял пленника на ноги и перебросил через борт мобиля – Диана подошла к нему вплотную к Закатной скале. Увидев бесшумно подплывающую громаду, тот, молодой, попробовал было вывернуться, но Улисс держал его мертвой хваткой. Я покосилась на второго – он лежал в своих путах молча, спокойно, и, когда его потащили к мобиле, даже не сопротивлялся, но сверлил пришельцев таким взглядом, что я бы на их месте хорошенько подумала, прежде чем прикоснуться к нему хоть пальцем.

Лагранж поблагодарил Кречета за угощение, забрался в мобиль вместе с остальными, и высокие гости отбыли. Кречет проводил уплывающие огни задумчивым взглядом.

– Они очень странные, эти люди, – проговорил он. – И странные у них зарок. Лишить пленников почетной смерти – что же, у них совсем чести нет?

Когда на следующее утро Диана привезла меня в становище Звездных Людей, я обнаружила, что на моем обычном месте сидит один из кочевых – тот, что помоложе. Улисс стоял рядом и вид у него был довольный. Почему-то я почувствовала странный укол обиды – словно у меня, не спросив, отобрали то, что до сих пор принадлежало только мне. Видно, что-то отразилось у меня на лице, потому что Улисс торопливо сказал:

– Это временно. Потом мы найдем ему другое место.

Я безразлично пожала плечами.

Этот искоса поглядел на меня. Его лицо ничего не выражало, но мне стало не по себе.

А Улисс произнес все с тем же доброжелательным видом:

– Познакомьтесь, – это Барсук.

Я сказала:

– А как же.

Ни один кочевой сроду не назовет вам своего настоящего имени, даже под пыткой.

– А это – Выпь.

Ну что ты с ними будешь делать!

Тем не менее, я, как положено, вежливо сказала:

– Что ж, теперь ты знаешь.

Может, магия кочевых тут и не действует. У Звездных Людей своя магия.

– Пойди, проводи его, Диана. Может, их тренажер уже оборудовали. И проследи, чтобы их накормили.

Тот поднялся и пошел к выходу – довольно охотно. Я, правда, заметила, что Диана держится позади и в руке у нее какая-то плоская штука, наверняка какое-то их чудное оружие; пришлые, конечно, дураки, но не совсем уж безнадежные.

Улисс все с тем же довольным видом рассматривал цветные столбики на экране.

– Просто поразительные способности, – сказал он, – они все схватывают с потрясающей быстротой.

Я ревниво спросила:

– Лучше, чем я?

Он замялся, похоже, не желая меня обижать.

– Быстрее...

– Ну тогда отпустите меня домой. Вам есть кого учить. Они, небось, и жить будут у вас?

– Да, – согласился он. – Какое-то время.

Он поглядел на меня и сказал:

– Послушай, к тебе это не имеет отношения. Вернее... просто я хотел бы, чтобы вы познакомились получше.

Я холодно спросила:

– Это еще зачем?

– Быть может... если вы найдете общий язык, в конце концов удастся прекратить эти бесконечные набеги... бессмысленные смертоубийства... это же всем пойдет на пользу – и вам, и им. Когда они обучатся всему и вернутся обратно...

Я поняла, что эти Звездные Люди не в себе. И были не в себе – с самого начала.

А потому терпеливо сказала:

– Улисс, этого нельзя делать. Не знаю, что вы там им наобещали, как уговорили, что они вам пообещали, – да они согласятся на все, дадут какие угодно ответные клятвы – да что там, разделят с вами еду, и все равно не будут считать себя связанными хоть какими-то обязательствами. Это же кочевые! Да вам стоит только отвернуться, как они всадят вам нож в спину. Вы же их смертельно оскорбили – чего вы теперь от них ждете?

Он поглядел на меня с укоризной.

– Предрассудки изживать трудно, я понимаю, – сказал он; похоже, теперь и он полагал, что говорит со слабоумной, – но пройдет время и ты поймешь, что они такие же люди, как и вы. Ничем не хуже вас.

– Как же!

– И они охотно согласились сотрудничать. Они заинтересовались, понимаешь?

– А вы им и поверили! Вот когда вам перережут горло, что вы тогда скажете?

Ничего он тогда уже не скажет, понятное дело, дурак такой. Мне хотелось плакать.

– Вы что думаете, он вам назвал свое имя? Как бы не так! Он взял чье-то чужое! Украл у кого-то из оседлых!

Он пожал плечами:

– Не понимаю, какая разница? Что это значит – украл имя? Может, он просто позаимствовал его у какого-то уважаемого человека. Каждый волен называться, как ему хочется.

– Не скажите. Вот, например, мое имя всегда при мне. И ни у кого я его не воровала. Другое дело, когда я войду в возраст, мне дадут еще одно, тайное – его никто не будет знать.

Только муж и дети знают второе, тайное имя женщины, подумала я, но, похоже, у меня никогда не будет ни мужа, ни детей.

– Никогда не думал, – сказал он, – что кочевники проявят гораздо больше терпимости и понимания, чем ты и твои сородичи.

И вышел. То ли он на меня и вправду разозлился, то ли для вида, чтобы я почувствовала себя виноватой – у них не поймешь.

А вечером я сказала Хранителю:

– Нельзя сделать так, чтобы я больше туда не ездила?

– А что стряслось? – недовольно спросил Хранитель.

С тех пор, как я собрала тот Предмет, я замечала, как он на меня смотрит – с надеждой и ожиданием, словно я могу сотворить еще какое-нибудь потрясающее чудо.

– Они учат этих кочевых, – сказала я.

Он задумался.

– Учат? Я-то все гадал, зачем это им рабы понадобились? Лодка их сама собой движется, да и все остальное, наверное, в том же роде.

– Это добром не кончится.

Он пожевал губами.

– Может быть... может быть...

– Толкуют что-то про бессмысленные смертоубийства... что мы теперь с кочевыми вроде как подружимся... у них, похоже, с головой не в порядке, у этих Звездных Людей.

– Это не так, – возразил старик... Знаешь, они совсем как в старых Записях. Я читал о таких. Полагаю... они действительно хотят как лучше. Хотят переменить мироустройство.

– Зачем?

– Может, надеются, что вновь вернется Золотой Век.

– А он вообще был? Этот Золотой Век?

– Думаю, там были свои сложности. Иначе с чего бы вдруг у них были Предметы для убийства.

– Так можно, я завтра не поеду?

– Поедешь, – сказал он. – Если они и впрямь научат кочевых чему-то, чего не будем знать мы... Нет, этого нельзя допустить. И знаешь, что еще...

– Да?

– Никому больше не говори о том, что они делают с этими пленными.

Я поняла, что он тоже испугался. Не меньше меня, а то и больше.

– Говори, видела, как они там крутят мельничный жернов или воду таскают. Что-то в этом роде. А то старейшины и впрямь решат, что тебе нечего там делать.

Я вздохнула.

– Ладно, – сказала я, – я поняла. Поеду.

Разумеется, никакую воду эти кочевые не таскали; уж не знаю, чем там они целый день занимались – я-то училась делать Записи. Об этом я даже Скарабею говорить не стала – как бы он тоже не решил, что я порченная или что-то в этом роде. Я подумала, что, может, расскажу ему потом, когда научусь как следует; может, он все-таки поймет, что никаких особых хитростей тут нет, – и впрямь, похоже, Запись не меняется, если ее переписать правильно. Поначалу переписывать значки было страшно – даже руку сводило, и я все ожидала небесного грома или чего-то в этом роде, но, видимо, у Звездных Людей действительно была своя магия – и со временем я осмелела. Диана была мной вроде довольна – а что значки у меня получают такие

кривые, так это, говорила она, дело привычки. У нее-то, когда она бралась за дело, значки выходили ровные, совсем как настоящие. Другое дело, что Записи мне доставались все больше какие-то бесполезные – какая-то долгая история про каких-то вроде кочевых, только из морского народа, которые осаждали каких-то оседлых чуть не двадцать лет – и какое становище выдержит так долго? Кажется, там все дело было в том, что эти оседлые увели какую-то бабу, не заплатив калым, но на кой им через двадцать лет потребовалась эта баба, спрашивается? Она же уже ни на что не годилась! А когда я спросила Диану, кому нужны Записи про каких-то сумасшедших, та только рассмеялась и сказала, что это, мол, «художественное преувеличение». Я так понимаю, Тот-Кто-Рассказывал Тому-Кто Записывает, просто приврал для красоты; стыд да и только. Так вот, я, значит, сидела и переписывала эту нудную запись – Диана отметила мне кусок от и до, а сама куда-то вышла, и тут вошел этот Барсук со своим краденым именем. Мне стало страшно – он сам открыл вход, как будто так и надо. Я на всякий случай спряталась за стол с экраном – тут же ничего не было, никакого оружия, даже простого ножа!

Он окинул меня презрительным взглядом – я-то тряслась и думала, не позвать ли мне на помощь (иногда Звездные Люди как-то слышат на расстоянии), но он больше не двинулся с места, и сказал:

– Так, значит, это они тебя тут прячут! Ты тоже выкуплена?

Я ответила:

– Не твое дело!

– Не бойся, – продолжал он, – я тебя не трону. Просто хотел спросить – кто они такие?

– Новое племя.

– Откуда они пришли?

– С неба.

Он покачал головой.

– Так не бывает.

– Я сама видела.

– И сколько же их здесь?

Я сказала:

– Не знаю. Похоже, много, раз они возвели свое становище так быстро.

Он опять усмехнулся:

– Это ничего не значит. Они все делают быстро. Вернее, эти их штуки, машины. В этом-то вся их сила – в машинах. Машины все за них делают – качают воду, возят, кормят. Без них они все равно, что голые. Все равно, что улитка без панциря; наступи ногой – и все. Так сколько же их здесь? Где они проводят ночь?

– Вы тут ходите свободно. Не я. Тебе лучше знать.

– Нас держат раздельно. И запирают на ночь. И далеко не все двери тут открываются так просто.

Он вновь окинул меня холодным взглядом.

– Так значит, ты приходишь сюда по своей воле? Ваше становище с ними побраталось, да? Хорошеньких же побратимов вы себе нашли – ведь это же нелюди! Впрочем, чего ждать от оседлых?

– По крайней мере мы не бьем в спину...

Он сказал:

– Передай вашим, что они будут плакать кровавыми слезами.

Может, он и впрямь не собирался убивать меня сейчас, но мне было просто ужас как страшно. Тут дверь вновь отворилась и вошел Улисс. Кочевой тут же смолк и уставился в пол, а Улисс оглядел нас с этим своим дурацким доброжелательным видом.

– А, – сказал он, – похоже, вы уже начинаете находить общий язык?

Я уже открыла было рот, чтобы сказать все, что я по этому поводу думаю, но кочевой, укравший чужое имя, опередил меня.

– Да, – ответил он, – все в порядке, друг.

Весной в соленое озеро к востоку от становища через перемычку, соединяющую озеро с морем, заходит рыба – мы называем ее «головастик» – нагуливать жир и метать икру. И в день весеннего равноденствия все близлежащие становища выделяют своих людей для большого лова. Они ставят сети на закате в том месте, где озеро соединяется с морем, и всю ночь носятся по озеру с факелами, загоняя рыбу в протоку, а утром выбирают сети. В эту ночь те, кто остался на берегу, обычно жгут костры и пляшут, чтобы рыбакам была удача. Потом почти целый лунный месяц в округе воняет рыбой, повсюду блестит серебряная чешуя и зеленые мухи слетаются на горы потрохов, но эта ночь и впрямь замечательная, волшебная ночь, и когда я рассказала Улиссу, он прямо загорелся и сказал, что хочет поглядеть на ночной лов. Похоже, он ничего такого раньше не видел – если они и впрямь прилетели со своих звезд, значит, там у них рыба не водится, подумала я.

– Если вы захотите быть с теми, кто ставит сети, – сказала я, – Кречет не будет против.

– Хорошо, – сказал он, – тогда мы с Дианой...

– Не понимаю, при чем тут Диана? Женщины не ставят сети. Если хоть одна войдет в озеро во время лова, рыба обидится и навсегда уйдет в море. А то вы не знали?

– Понятия не имел, – сказал он. – Но ты же идешь?

– Я-то в озеро не лезу. Я буду вместе с остальными – сидеть на берегу и жечь костры. Очень мне надо, чтоб меня камнями закидали!

– Ясно, – сказал он, – ну что же, тогда она тоже посидит на берегу.

Он помолчал, потом спросил:

– А если бы мы взяли с собой Барсука и Кожана?

– А вы сами как думаете?

– Думаю, – печально сказал он, – никто из ваших им не обрадуется. А жаль – это был бы такой хороший предлог для начала мирных переговоров. Кожан у себя в племени не маленький человек...

– Это он вам сказал?

– Почему я должен им не верить?

– Потому что они никогда не скажут вам правды, кочевые. И никакой он не Кожан – тоже украл у кого-то имя.

– Дались тебе эти имена, – сказал он раздраженно.

– Это же самое важное, как вы не понимаете? У них совсем нет чести, вот ни на столечко...

– А я надеялся, ты все же переменишь свое мнение, когда познакомишься с ними получше, – печально заметил он.

– Улисс, – ответила я, – и не просите.

Что бы он там в глубине души ни думал, но внял голосу здравого смысла и взял с собой только Диану. Она осталась на берегу озера вместе с остальными женщинами и ребятей, которая, как всегда бывает в такой праздник, носилась туда-сюда, путаясь у всех под ногами. Звездная женщина держалась хорошо, с достоинством, но я-то видела, что ей неуютно – наши бабы всячески старались дать ей понять, что она тут как пятая нога зайцу. Я знала, они ее презируют – ничего из того, что положено делать приличной женщине она не умела, даже спрашивала про то, как мы выпекаем хлеб. Повсюду горели костры – весь берег был в огнях, точно звездное небо осенью; смех и голоса перекликались друг с другом, отражаясь от воды, небо переливалось всеми закатными красками, потом позеленело, потом зелень сменилась глубокой

синевой и костры на берегу запылали еще ярче. В озере тоже сияли огни, отражаясь в черной воде, – факелы, фонари и масляные плашки – частью на лодках, частью в руках у загонщиков – озеро-то было мелководное, большей частью по пояс, из зарослей камыша то и дело взлетали вспугнутые птицы, но сегодня никто на них не обращал внимания. Порою низко-низко над головой летучие мыши проносились на своих мягких крыльях, привлеченные множеством насекомых, ошалевших от такого обилия света.

Диана наблюдала за всем этим заворуженно, даже рот приоткрыла, в руках у нее был такой специальный Предмет, совсем крохотный, при помощи которого каждый потом может увидеть то, что видела она, – они называли его «камера». Она медленно водила этой штукой из стороны в сторону, потом, обернувшись, увидела меня, и кажется, обрадовалась – обычно-то она относилась ко мне снисходительно, как к дуре какой, но сейчас, видимо, устала от враждебности остальных.

– Ох, – сказала она, – до чего красиво. Все эти огни...

– Это для рыб, – пояснила я, – рыба в эту ночь боится света; она хочет уйти от него через протоку. А там поставили сети.

Она грустно проговорила:

– Вы все делаете с какой-то определенной целью, верно?

Я удивилась:

– А как же иначе? Глупо было бы делать что-нибудь просто так.

Она покачала головой и вновь взялась за свою камеру. Небо стало совсем черным, равноденствие совпало на этот раз с новолунием; считалось, это обещает удачный год.

На востоке, мерно дыша в ночи, лежало море – понятно, разглядеть его сейчас было невозможно; но над ним висела дымка, сквозь которую звезды едва просвечивали. Именно оттуда, из-за края воды весной прилетали дикие гуси, крича и жалуясь, точно испуганные младенцы, на те неведомые мне силы, что гонят их в наши края. Я подумала – может, там, вдалеке, вообще нет земли и они плачут потому, что им суждено без устали кружить на ветру? Или они прилетают с той яркой, точно умытой дождем зеленой звезды, которая порою появляется за краем моря?

Но, когда я спросила об этом Диану, она покачала головой и сказала: нет, там, за морем, тоже земля – почти такая же, как эта.

– Тогда почему бы им не оставаться там на все лето?

Она ответила, что у птиц так заведено испокон веку; они просто не могут не прилетать, так уж они устроены.

– Как вы? Или вы прилетели сюда, просто потому, что там, где вы жили раньше, кончилась еда?

Она сказала – нет, там было не так уж плохо, но они и впрямь не могли не прилететь сюда, так что да, что-то в этом роде. Но им пришлось проделать очень долгий и опасный путь, а птицы летят всего лишь из-за моря.

Я сказала:

– Тогда откуда вы знаете, что там, за морем, если вы там не бывали?

Она объяснила, что да, знают, по крайней мере, как она выразилась, «в общих чертах»; во-первых, потому, что видели все сверху, до того, как опуститься в наших краях, во-вторых, потому что они недавно отладили что-то вроде этой вот камеры, которая парит над землей сама по себе, наподобие дикого гуся.

– Если хочешь, можно как-нибудь посмотреть на то, что она видит, – предложила она.

Я вежливо сказала «большое спасибо», – они, вроде, не склонны были приврать, хоть и верили разным глупостям, вроде той истории о двадцатилетней осаде. Но зачем им понадобилась такая штука, было не очень понятно – ладно, взглянуть раз-другой, это еще куда ни

шло, все же интересно, что где делается, но чтобы тратить все свое время, разглядывая чужие места, в которые, может, и не попадешь никогда...

Диана начала объяснять, опять же, как это у Звездных порою водится, довольно непонятно – что-то про «дух поиска» и про назначение человеческого рода; все, что я смогла уловить, так это то, что они ищут кого-то или что-то, и что мы – отнюдь не то сокровище, к которому они стремились, блуждая между небесных огней.

– Мы к вам не лезли со своей дружбой, – сказала я.

– Нет-нет, – поспешно ответила она, – ты не так поняла.

Но мне показалось, что как раз так.

Огни на озере побледнели и стали гаснуть, зато небо на востоке мягко засветилось, с дальнего моря потянуло прохладным ветром. Самое время было погреться у какого-нибудь костра, пока они еще не прогорели – Диане не было холодно в этой ее странной одежде, но меня начало пробирать, я обернулась к ней, чтобы сказать, что лов почти закончился и самое время попить чего-нибудь горячего, пока вода в котелках не остыла. И тут увидела, что на востоке низко-низко над краем моря, по тропе диких гусей проплывает Город Мертвых.

Он был точь-в-точь таким, как рассказывали старшие, которым довелось его увидеть, – светящимся туманным пятном, с плоским основанием, на которое он, должно быть, ложился, устав от своих дальних странствий; сквозь туман проступали размытые очертания чего-то; лес гигантских копий, светящиеся древесные стволы, остроконечные грибные шляпки; казалось, если как следует напрячь зрение, можно понять, что там оно было такое, но на самом деле все плыло и меняло свою форму и растворялось в сыром воздухе.

Я схватила Диану – она стояла, повернувшись ко мне лицом, – за рукав.

– Ты что? – удивилась она.

Но я от страха ничего не могла выговорить, только открывала и закрывала рот, точь-в-точь как рыба головастик, которую вытащили из воды.

Наконец, она обернулась, чтобы поглядеть, на что это я смотрю; к тому времени от Города осталось только светлое пятнышко в тумане – на самом деле он перемещался очень быстро.

– Видели?

– Что? – удивилась она.

– Там... – пятнышко меркло и таяло в свете наступающего утра. Она, прищурившись, вглядывалась в даль, потом тихонько покачала головой.

– Тебе показалось, – мягко сказала она.

И тут с берега раздался многоголосый вой – вопили женщины.

– Им тоже показалось? – спросила я.

Она недоуменно озиралась.

– Вернется Улисс, мы его спросим, – сказала она.

Я заметила:

– Вернется, будьте уверены. Они сейчас все полезут на берег, точно ошпаренные.

И впрямь, те огни, что еще не прогорели, двинулись в сторону берега; теперь, в свете наступающего утра, можно было разглядеть скользкие по воде лодки и плоты – точно стая невиданных водяных тварей они дружно метнулись к отмели.

Диана заторопилась к ним – уж не знаю, на что она надеялась, я-то понимала, что никто из тех, что находились в озере, не видел летающего Города – поскольку оно лежало в низине и оком заслоняли низкие холмы. Но это, в конце концов, было ее дело – сама я направилась к своим. Дрофа стояла у костра, который уже совсем прогорел, потому что она позабыла его вовремя покормить, и мрачно смотрела в землю.

– Видела? – спросила она меня, так и не подняв глаз.

Я сказала:

– Ну и ну!

– Дурной знак, – проговорила она, сплюнув через левое плечо, – говорю тебе, дурной знак. Теперь жди беды.

Я ей поверила – уж она-то отлично понимала, что к чему.

Не то, что пришлое.

Вскоре Диана сдержала свое обещание, хотя я ее и не просила; как-то после занятий подошла и спросила, не хочу ли я посмотреть на чужие земли с птичьего полета. Я сказала – да, разумеется, хочу, и она отвела меня в другой Дом, с плоской и низкой крышей – посреди пустой комнаты стоял точно такой же экран, как мой, только гораздо, гораздо больше, и то устройство, которое называлось «пультом», было еще сложнее.

Видно, если пришельцы что-то вобьют себе в голову, то это уж навсегда; там уже сидел один из кочевых – тот, что называл себя Кожаном. Похоже, у Звездных Людей все же хватало ума не сводить своих пленников вместе, но зато они упорно подстраивали все так, что я то и дело натывалась то на одного, то на другого. Вот и сейчас – Кожан уже сидел в кресле, как будто так и надо. Я сделала вид, что его не заметила, он тоже. На лице Дианы, которая смотрела на нас с какой-то странной надеждой, отразилось разочарование. Потом, видно поняв, что с нами каши не сварить, она, ни слова не говоря, уселась рядом и экран засветился; я увидела бурое, чуть зеленоватое полотнище и только потом поняла, что это степь, еще не раскрашенная яркой весенней зеленью. Овраги и реки лежали на ней, точно складки ткани, а Диана, нажимая на эти их кнопки, заставляла картину на экране двигаться – сначала мне даже показалось, что мы сами плывем над землей, точно Города Мертвых или дикие гуси.

Картина эта меня так захватила, что я даже забыла про кочевого, зато Диана посматривала на него с гордостью, точь-в-точь как мать смотрит на своего малолетнего придурка, который начал ходить.

– Теперь попробуй ты, – сказала она.

И отодвинулась, а он, наоборот, довольно лихо начал передвигать эту картинку – сначала там было все то же самое, потом я увидела животных, проносящихся по равнине, они казались совсем маленькими, но потом я поняла, что такими их делает расстояние – это были сайги, и они мчались по степи, подпрыгивая, как тряпичные мячики.

Окраска степи все менялась – зелень уступала место ржавчине, и что-то там, на плоской равнине, блестело, отражая солнце; я-то подумала, было, что это вода, но Диана сказала, что это соль – высохшие озера соли, воздух над ними прогревался и дрожал, а дальше раскинулось целое море воды, нестерпимо сверкающей на солнце – я уже поняла, что там все не так, как надо, и спросила Диану, неужели это тоже соль. Она сказала – нет, это мираж, и, натолкнувшись на мой удивленный взгляд, пояснила: это бывает, когда очень жарко, воздух блестит, точно вода. Я поняла – у нас тоже в самый разгар летнего зноя можно увидеть что-то в этом роде; призрачное море, которое отодвигается по мере того, как ты приближаешься к нему. Но у нас это бывает летом, да и то редко...

– Там дальше – горы, – сказала она.

Я увидела горы – они громоздились на краю земли, словно низкие тучи, подножия тонули в зелени, густой, точно шкура животного, вершины блестели в солнечном свете, и это была уже не соль – снег.

– Если хотите, можно посмотреть, что там, за горами, – сказала Диана.

Кожан взглянул на нее:

– Я могу увидеть свое племя?

Она сказала – да, если он примерно скажет, где его искать – в той стороне, где заходит солнце, или еще где-то? И что там поблизости – река или лес?

Он вытянул руку, указывая на что-то за стеной, – эти кочевые и впрямь нутром чувствуют, где восток, где запад; ведь в Домах тут не было окон и свет лился сверху, не меняясь ни утром, ни вечером.

– Нужно немножко изменить настройку, – сказала она. – Сейчас я покажу тебе.

Я и трижды вздохнуть не успела, как он уже сказал:

– Я понял.

Я подумала, ему, должно быть, ужас как неприятно, что его учит женщина, но по его лицу ничего нельзя было угадать.

Он положил пальцы на пульт, и перекрестье посреди экрана вновь поплыло над землей – вернее, земля поплыла под ним. Пронеслось море, серое и беспокойное; изрытое скалами побережье, опять степь – и я впервые увидела становище кочевых. Сначала оно казалось маленьким, точно горсть ярких ракушек, высыпанных на песок, но потом я поняла, что то, что я приняла за ракушки, на самом деле оказалось легкими круглыми Домами – чем-то они были похожи на купола Звездных Людей, только сделаны, разумеется, из другого материала. Похоже, то ли из войлока, то ли из тканых полотнищ – я не разглядела. Зато понятно было, что Дома эти можно передвигать сколько душе угодно – так уж они были устроены. Тут же неподалеку паслись животные – лошади, полным-полно лошадей, и несколько верховых пастухов носились вокруг стада, сбивая его плотнее.

Из круглых отверстий в круглых крышах валил дым – там горели очаги; снаружи, растянутые на шестах, сушились какие-то шкуры, хлопая на ветру. Я уж было подумала, что, может, то, что все время твердили Звездные Люди, и не такая уж чушь – становище кочевых, которыми у нас пугали детей, оказалось совсем нестрашным, похожим на наше.

– Ну вот, – довольно сказала Диана и, обернувшись к Кожану, спросила:

– Это и есть твоё племя?

– Да, – коротко ответил он.

– Похоже, они не собираются сниматься с места.

– Нет, – ответил он. Похоже, он был не из разговорчивых.

Я подумала, что, кроме тех пастухов, в становище не видно взрослых мужчин – женщины порою мелькали между круглыми стенами, появлялись из-за полога своего Дома, что-то несли или возились у открытых очагов.

Я сказала Диане:

– Спросите его, где их мужчины.

Она удивилась.

– Почему бы тебе самой...

– Я не спрошу, а он не ответит. А вы спросите.

Она пожала плечами, но все же спросила.

Он сказал:

– Охотятся.

Я видела вдали, за круглыми крышами, клубы поднятой пыли – что-то там происходило такое, потом пыль чуть улеглась, несколько верховых вырвались из нее; а там, на земле, по-прежнему скрытые бурой пеленой, неподвижно лежали тела – человек двадцать, не меньше, но точнее определить было трудно, потому что они были свалены в бесформенную грудку.

Я схватила Диану за руку:

– Посмотрите что там такое!

И тут кочевой сделал что-то, отчего изображение резко метнулось в сторону и расплылось – теперь в перекрестье медленно катились серые валы и пенные гребни на них заворачивались внутрь, потом обрушивались обратно в воду.

– Сорвалось, – сказал он, – я еще не очень хорошо...

– Ничего, – успокоила она, – это бывает.

Я уже обернулась к Диане, чтобы сказать ей все, что я по этому поводу думаю, но встретила взглядом с кочевым – он смотрел мне прямо в глаза и усмехался. Рука его, лежащая на пульте, чуть заметно шевельнулась, и я поняла, что он меня прикончит прежде, чем я успею сказать хоть что-нибудь. В конце концов, подумала я, это не мое дело – она должна была видеть то же, что и я. Хотя в глубине души я отлично понимала, что ничего она не видела – иначе заставила бы его передвинуть туда этот свой небесный глаз. Не то, чтобы они были подслеповаты, Звездные Люди, но глаз их схватывал все слишком медленно.

Море все проплывало в перекрестье – сверху видно было, что у берега вода бурого оттенка из-за взбаламученного ила, сам берег здесь был обрывистый, пласты красноватой глины выворачивались наружу, словно вспоротое брюхо животного. А небесный глаз мчался все дальше, туман перетекал над волнами, точно молоко, а одно туманное пятно, мелькнувшее внизу, у края видимости, было особенно плотным.

Я сказала:

– Пусть остановит.

Он посмотрел на меня с усмешкой, и впервые ответил, обращаясь прямо ко мне:

– Не могу.

– Тогда остановите вы, – сказала я Диане.

– Нет, – возразил Кожан, – я сам.

Он, вроде, попытался замедлить полет небесного глаза, но на деле разогнал его еще больше, так что волны внизу слились в сплошные серые полосы. Он явно старался увести небесный глаз от своей стоянки, но, похоже, до Дианы это так и не дошло – она полагала, что причина всех этих чудовищных прыжков просто в неумении управлять полетом, но я отлично видела, что это одно сплошное притворство.

– Там, вроде, был Город Мертвых, – пояснила я, – помните, я вам говорила? Только он очень далеко ушел.

– Должно быть, это какой-то оптический эффект, – сказала она. – Ну, обман зрения.

Туман порою собирается плотными сгустками.

– Тогда ночью это тоже был обман зрения?

Она пожала плечами:

– Возможно.

И повернулась к кочевому:

– Ты что-нибудь видел?

– Ничего, – спокойно ответил он.

– Он вообще ничего не видит, – ядовито сказала я, – так уж он устроен.

У кочевых глаза как у хищной птицы; говорят, они способны различать звезды среди бела дня.

Я подумала, что если Диана оказалась такой уж доверчивой, то, может, Улисс меня выслушает – меня не столько тревожило появление Города Мертвых, хоть это и правда дурной знак, сколько непонятное избиение на стоянке кочевых. А потому я спросила Звездную Женщину:

– А где Улисс?

Она ответила:

– Они с Лагранжем поехали на стоянку кочевников. Взяли с собой Барсука.

– Поехали? Зачем?

– Для переговоров.

– Вы с ума сошли! Можете с ними попрощаться! И с этим вашим Барсуком тоже. Никто из них не вернется!

Она мягко сказала, обернувшись к кочевому:

– Кожан обещал, что их хорошо примут.

Он спокойно кивнул, глядя ей в глаза.

– Давно они поехали?

– С утра, – сказала она. – К вечеру они будут на месте, а завтра вернуться. К концу дня.

И, глядя на меня, добавила:

– Мы поддерживаем с ними связь. Там все в порядке.

– С той вашей... экспедицией вы тоже поддерживали связь.

– Да, – сказала она, – да, но... там могло случиться все, что угодно. Они же были в заброшенном городе – там остались подземные пустоты, какое-нибудь здание могло обрушиться и похоронить их... А здесь – ты же сама видела; здесь нечего опасаться.

Я только покачала головой. Что тут поделаешь – здесь не поможет ни небесный глаз, ни эта их дальняя связь. Они видели лишь то, что хотели, эти Звездные Люди, им ничего нельзя было втолковать, но дело даже не в этом; может, будь у них и впрямь дурные намерения, все было бы проще – беда в том, что они действительно не хотели никому ничего плохого; и, тем не менее, опасность распространялась вокруг них, словно круги от камня, брошенного в воду. Меня вдруг прошиб озноб, несмотря на тепло невидимого очага. Видно, Диана все же что-то заметила, потому что успокаивающе сказала:

– Они вернуться. Все будет хорошо. Вот увидишь.

Тогда я ей не поверила, но они и вправду вернулись. На закате следующего дня, как обещали.

Они вернулись на закате следующего дня, а еще через несколько дней летающая лодка прибыла к нам, и Лагранж самым торжественным образом пригласил старейшин к себе; мол, раз уж Звездные Люди гостили у нас, то и наши должны посетить Дом пришлых. Полагаю, старейшины отвернулись бы от такой чести, если бы могли; побратимы побратимами, но мало кому хотелось оказаться за непроницаемой стеной чужого поселения. Но деваться было некуда; вежливость обязывала, и десять самых уважаемых наших людей с утра собрались в путь – на лошадях, понятное дело (Лагранж предложил пригнать за ними мобиль, но они отказались), не взяв с собой ни женщин, ни детей. Я-то находилась там с самого утра и могла наблюдать за всеми приготовлениями, но близко меня никто не подпустил – Звездные Люди управлялись сами. Лошади летающим лодкам не чета – и когда наши прибыли, все давно было готово – столы, накрытые на площади перед самым большим Домом, были обильно уставлены чудной пищей Звездных, которая сама по себе становилась горячей или холодной; а чашки и блюда казались такими хрупкими, что их страшно было взять в руки – но только казались. Ножей не было, потому что все, что лежало на блюдах, уже было нарезано кусками правильной формы; а вместо непривычных табуреток со спинками на твердое покрытие пола навалили груды подушек. Я издали смотрела, как все рассаживались по местам – думаю, устрой Звездные Люди это пиршество в одном из своих Домов, нашим было бы неуютно, но под открытым небом, которое раскинулось над чужим становищем, точно огромный синий шатер, они чувствовали себя свободно. Стояла поздняя весна, и можно было видеть, как там, в вышине, в золотых потоках света, точно пылинки, пляшущие в солнечном луче, парят, трепеща крыльями, жаворонки.

Звездные Люди тоже усаживались на свои места – их тоже было десять, но я узнала лишь троих, остальные казались мне на одно лицо, как всегда бывает с чужаками. Вид у них был торжественный, и они негромко переговаривались между собой. Я заметила, что за столом остались свободные места, и сердце у меня неприятно заныло. Что-то должно было случиться. Полагаю, наши тоже заметили – но, вероятно, решили, что кто-то из Звездных присоединится к пиршеству позже.

От Звездных Людей говорил Лагранж на правах старшего – я устроилась поодаль, но так, чтобы слышать, что происходит; Кречет, правда, отлично меня видел, но счел за лучшее просто не заметить. Иначе ему бы пришлось погнать меня в шею, а все-таки они тут были в гостях; неловко получилось бы.

Лагранж начал толковать что-то о новых временах, об избавлении от «постоянной угрозы голода» и от «борьбы за существование», о «семье народов» – похоже, наши решили, что у Звездных это такой обычный застольный зачин, но я-то отлично понимала, что он имеет в виду именно то, что говорит, и с замиранием сердца ждала, чем все это кончится.

И правда: из ближайшего Дома появилась цепочка людей. Они двигались в полной тишине – у наших отнялся язык от такой наглости, они даже жевать перестали, и стало слышно, как ветер шуршит в траве. Кочевые – их было тоже десять – двигались в полном боевом облачении, правда, без оружия; они молча уселись на пустые места, как будто так и надо. Я узнала тех двоих, остальные, похоже, и впрямь были люди не маленькие, во всяком случае, судя по сложной татуировке, украшавшей их лица. Лагранж продолжал стоять – он, разумеется, не был настолько уж глуп, чтобы не понимать, чем все может обернуться, – и потому торопливо продолжил:

– Не усматривайте в том, что я пригласил сюда других гостей, оскорбления, друзья мои. У меня и в мыслях не было подвергать вас какой-либо опасности. Напротив, я хочу – мы хотим, – чтобы прекратились давние распри. Именно для этого мы и прибыли сюда. Я понимаю, старые обиды забыть трудно, но ведь нужно думать и о будущем. Человек рожден не для того, чтобы слепо бороться за выживание. Если никто ни в чем не будет испытывать недостатка, отпадет необходимость в войнах и набегах.

Наши выслушали его в полном молчании, я вообще не уверена, что они поняли хоть половину из того, что он пытался им сказать. Один только Кречет сохранял хладнокровие.

– Ты говоришь очень красиво, – негромко произнес он. Он не прибавил «друг мой» и это было дурным знаком, но Лагранж этого не заметил.

– Я позволил этим людям присутствовать здесь именно потому, что они пришли с миром.

Он вновь оглядел собравшихся за столом и в нависшем тяжелом молчании беспомощно повторил:

– Они пришли, чтобы предложить вам мир, понимаете?

– Нет, – спокойно сказал Кречет.

До сих пор кочевые сидели так, словно разговор их не касался – я заметила, что никто из них не притронулся ни к еде, ни к питью. Но теперь, видимо, они решили, что пришло их время, да и Лагранж выжидательно смотрел на того же Кожана, который, похоже, был здесь за старшего. Наверняка они подготовили все это заранее, подумала я, уговорились, кто когда и что будет говорить. И точно, Кожан встал и, обращаясь к Кречету, заговорил. Голос у него был сладкий как мед, и он, глядя Кречету прямо в глаза, начал толковать о том, как хорошо будет, если все будут как одна семья. Лагранж слушал его и кивал, поглядывая то на кочевого, то на Кречета – видно было, что он ожидал чего-то в этом роде.

– Воистину на благо всем прибыли эти люди, – тем временем говорил кочевой, – и справедливы их слова. Ибо, если мы поклонимся им, они дадут нам силу, по сравнению с которой стрелы и копья – ничто. И, когда мы овладеем ей, наши Дома станут вашими Домами, а ваша земля – нашей землей. Кто тогда будет знать, где какое племя?

От такого оскорбления лицо Кречета пошло красными пятнами – он вскочил и, схватив стоявший на столе кувшин вина, выплеснул его на кочевого – алая жидкость залила ему глаза.

И тут началось. Ни у кого не было оружия, но это никого и не остановило – в ход пошло все, что было под руками, в том числе и сами руки. И миг спустя, по земле катался яростный клубок борющихся тел – Лагранж отскочил в сторону, остальные Звездные Люди тоже какое-то время растерянно озирались, потом Диана, которая, похоже, соображала быстрее всех, извлекла откуда-то какой-то округлый предмет и закричала:

– Маски! Наденьте маски!

Я увидела, что Звездные Люди натягивают на лица высокие воротники, и Улисс, увидев меня, жавшуюся к стене Дома, прежде, чем закрыть лицо, крикнул мне:

– Задержи дыхание и беги в Дом!

Я так и сделала и, обернувшись на ходу, увидела, что над перевернутыми блюдами и яростно рычащими людьми плывут клубы дыма – не зеленоватого, как в тот раз, а бледного, почти бесцветного, и мешанина рук и ног замедлила свое движение – схватка замирала.

Больше я ничего ни увидела; я уселась на пол, спрятавшись за большим экраном, и тряслась там, пока в комнату не вошел Улисс.

– Пойдем, – сказал он. – Все уже кончилось.

На площади перед домом вповалку валялись тела, и Звездные Люди – уже с открытыми лицами, уволакивали куда-то кочевых – их тела были мягкими, точно из них вынули все кости. Наши по-прежнему лежали на земле. На всем – на траве, на людях, на перевернутой посуде, – блестел какой-то странный налет, точно снег, выпавший в неподходящее время.

Я сказала:

– Вы их всех убили?

– Да нет же, – устало ответил он, – просто усыпили. Иначе их было не остановить. Потом они проснутся.

Лагранж стоял тут же, мрачный как туча. По мне, в том, что случилось, была его вина, но он, похоже, думал совсем иначе.

Он поглядел на меня все тем же тяжелым взглядом, но обратился не ко мне, а к Улиссу:

– Похоже, это была ошибка.

– Лагранж, – грустно сказал Улисс, – я же с самого начала...

– Ты отлично понимаешь, что я не об этом досадном инциденте. Ошибка в том, что вы с самого начала не за тех взялись. Вот вам и результат. Они же бесперспективны.

– Если бы вы дали нам время...

– А откуда ты знаешь, сколько у нас времени? Быть может, не так уж и много. Мы не можем позволить себе ошибиться.

– Вот именно, – тихо ответил Улисс.

– Мы не на тех ориентировались. Теперь же... – Улисс многозначительно поглядел в мою сторону, но тот лишь раздраженно махнул рукой.

– Боюсь, – так же тихо проговорил Улисс, – что теперь все решится само собой.

Но тот его уже не слушал, он резко повернулся и направился прочь. Улисс виновато поглядел на меня.

– Паршиво все получилось, верно? – устало сказал он.

– А вы чего ожидали? Стравили их, а теперь удивляетесь? Кто, интересно, до такого додумался? Кочевые?

Он помолчал. Потом уныло произнес:

– Они сказали, что они готовы к мирным переговорам, но ваши, если будут заранее знать обо всем, просто откажутся прийти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.